

Сергей Буридамов

Чужие камни Ноккельбора

Сергей Буридамов

Чужие камни Ноккельбора

«Издательские решения»

Буридамов С.

Чужие камни Ноккельбора / С. Буридамов — «Издательские решения»,

Толстяк Векша — последний из человеческой расы, уничтоженной древним врагом. Вернувшийся с того света юноша пытается выжить в мире нелюдей, где днем правят золото и жадность, а после заката — кровожадный Ночной Страх. Помогут ему в этом везение, хитрость и загадочная способность, полученная в дар от богини смерти Моры.

Содержание

Часть первая.	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Сказка о Светлых Братьях и Темной Сестре	19
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	34
Сказка о Кикиморе	40
Глава VIII	42
Глава IX	49
Глава X	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Чужие камни Ноккельбора

Сергей Буридамов

Какой же толк стараться делать всё как полагается, когда от этого тебе одно только беспокойство; а когда поступаешь как не надо, то беспокойства никакого, а награда все равно одна и та же. Я стал в тупик и ответа не нашел. Ну, думаю, и голову больше ломать не стану, а буду всегда действовать, как покажется сподручней.

Марк Твен «Приключения Гекльберри Финна».

© Сергей Буридамов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая. Векшины горести

Глава I

Золотой пес подскочил к дереву и, скрежеща когтями по стволу, взлетел к нижней ветке. Вцепиться в свисавшую с нее человеческую ногу он не успел; лишь обдал жарким дыханием омертвелую от усталости конечность. Толстый подросток всхлипнул и еще плотнее прижался к пахнущему горьким ясеню. Подняться выше он не мог. Мучительный страх заставил забыть о других чувствах и сковал тело, которое и без того одервенело от сидения верхом на ветке.

Векша выглядел старше своих природных лет, ибо был толст и неуклюж. Ему едва минуло шестнадцать, и походил он на гнома-переростка – такой же квадратный и коротконогий. Соломенного цвета волосы, вечно растрепанные и торчащие в разные стороны, придавали круглой физиономии еще более комичный вид. Нос – картошкой, рожа – в угрях; толстые, вечно красные щеки и глубоко посаженные маленькие глаза не добавляли облику подростка мужественности. Да и росточком не вышел. Рядовици отроду выделялись среди людей высоким ростом и оленьей стройностью. А этот уродился широким в кости да коренастым, словно пенек дубовый.

Еще до того, как Векша попал в свой последний переплет, жизнь толстяка не была сладкой и веселой. А теперь его судьба и вовсе зависела от того, как долго сможет он просидеть на изрядно прогнувшейся под толстой задницей ветке. Подлый старый сук похрустывал и потрескивал, не желая мириться с рассевшимся на нем человеком.

Векша ненавидел тварь под деревом, ненавидел этот ясень и жизнь, которая привела его на полусогнутую ветку. Паника пыталась заставить молодой организм двигаться и выживать, однако страх не разрешал ему шевелиться. Веснушчатые пальцы судорожно цеплялись за кору, а обломанные ногти словно пытались врасти в плоть старого дерева. Вот был бы здесь Зорян, его двоюродный брат – рыжий парень, худющий и рослый, весь состоящий из переплетенных мышц и сухожилий. Вот уж он бы знал, что делать. Помочился бы сверху на мерзкую псину, а потом прыгнул на нее и наверняка задушил. Однако Зоряна не было в живых уже несколько часов. Его разодранное тело лежало неподалеку в лесу. А Векша был труслив, голоден и слаб. Неловкими своими движениями он боялся еще больше разозлить пса-охотника.

Все, кого он знал, были мертвы. Ему стало жалко себя, израненного и измученного, и свое рыхлое тело, в которое в скором времени должны были жадно вонзиться челюсти собаки. Он прижал щеку к стволу и судорожно всхлипнул. Глаза были сухи и воспалены. Все слезы закончились полчаса назад, когда псы на его глазах прикончили истошно визжащую сестру Миланицу. Она помогала задохнувшемуся от бега Векше забраться на дерево, ругая его на чем свет стоит и подталкивая снизу неловкое тело, когда псы стремительно атаковали ее. Схватились за девичье тело страшными зубами и оттащили в сторону, вгрызаясь и урча. Векша зажмурился, стараясь поглубже запрятать в себя воспоминания, и не смотреть в ту сторону, где звери терзали окровавленное нечто.

Пес, нервно перебирая лапами, рычал и поскуливал от нетерпения, задрал кверху тупоносое рыло. В отличие от своих братьев, он не хотел жрать мертвечину. Поэтому, мельком глянув на них, увлеченно пожиравших тело, принадлежавшее совсем недавно веселой и глазастой Миланице, он вновь резво подскочил и попытался дотянуться до свисающей толстой ноги. И снова неудачно. Под деревом натекла небольшая лужица из векшиной крови. Кровью был залит и сам ствол, и корни старого ясеня. Она тонкой струйкой сочилась из разодранных

и изрезанных ног мальчика и лениво заполняла ложбинки и трещины коры, окрашивая ее в темно-бурый цвет.

Группа из семи всадников в полной тишине встретила очередную попытку золотого пса достать добычу. Возбужденные от недавнего галопа лошади фыркали и качали благородно-изогнутыми головами. Несмотря на палящее летнее солнце, ни один из воинов не пытался прикрыть ладонями глаза от жгучих лучей, чтобы рассмотреть псовую забаву поподробнее. Бледные, неестественно узкие лица, лишённые какого-либо выражения, тонкие носы, холодные глаза и заостренные уши могли принадлежать лишь одному народу, населявшему Удел. Воины-альвы молчали, слегка покачиваясь в седлах, и неотрывно смотрели на сидящего на ветке человека. Лошади под седлами охотников вели себя, словно князя престольные: важно задирали холёные морды и нетерпеливо гладили землю копытами.

Один из нелюдей – черноволосый, с белым, как у трупа, лицом – вдруг ожил и прокричал что-то в сторону собак. Векша со страхом и злобой искоса посмотрел на него. И зря... К горлу подкатило: к седлу каменного была приторочена окровавленная человеческая голова с разъяренным от боли кривым ртом. Рыжие патлы мертвеца спутались и слиплись. «Зорянова головушка» – с ужасом узнал толстяк лицо сродника.

Тем временем, другие золотые псы, похоже, насытились. Обглодав лицо девушки и проев в животе зияющую дыру, они лениво слизывали запекшуюся на ее боках кровь. Услышав команду, повернули окровавленные морды на окрик, вяло махнули хвостами и, вразвалочку, потрусили к своему все еще голодному и нервному собрату. Тот раз за разом кидался на ствол со скукожившимся наверху Векшей.

Векша в очередной раз с надеждой посмотрел вверх. Ветви над ним, как назло, выглядели совсем некрепкими, а те, до которых он успел дотянуться раньше, были надломлены. Его отчаянная попытка выжить подходила к концу. Подростку захотелось завывать во все горло. Сдержался. Лишь вниз глянул и встретился с голодными и злыми глазами собаки. Пес вымотался: он жадно дышал, высунув алый язык, и нервно водил головой от Векши в сторону конников, как бы вопрошая, почему он должен устраивать этот цирк, когда хозяева могут сами сбить стрелой пахнущего кровью и страхом поросенка. Остальные собаки улеглись вокруг дерева и явно вознамерились вздремнуть. Они знали, что Векша никуда от них не денется.

Боль пронзила решившего пошевелиться подростка. Все его тело требовало движения после многочасового сидения в одной позе. Он охнул и попытался приподняться, с трудом оторвав от ствола судорожно сведенную ладонь. Рука лишилась чувствительности; в пухлых складках ладони застряли кусочки смолы. Мальчик закричал от боли и медленно потянулся к нависшим над ним ветвям. Схватился за них и попытался приподняться. Однако ноги свело так, что ждать от них помощи было опрометчиво. Векша снова всхлипнул. У него ничего не получалось. Мальчик с ненавистью уставился на пса и, не отдавая себе отчет, со злобным криком швырнул в него смятую охапку листьев.

Ветвь, на которой он сидел, словно этого и ждала. Она жалобно хрустнула и сломалась. От неожиданности Векша обделался, ахнул и полетел на землю. Упал прямо на согнутые, сведенные ноги. А затем услышал, как что-то хрустнуло под коленом. От боли, что сковала его рот в немом крике, мальчик почувствовал, как теряет дух. Однако ему не повезло, и сознание не покинуло его. Боль от падения была забыта в тот момент, когда челюсти трех собак одновременно сомкнулись на его теле с разных сторон – искривленной сломанной ногой, плече и облепленной смолой ладони. Последнее, что восприняло вопящее от ужаса сознание, был луч солнца, пробившейся сквозь листву предательского ясеня и ударивший его в зрачок.

Перед широко распахнутыми глазами Векши предстала огромная морда золотого пса. Собака внимательно и жадно заглянула прямо в его душу и, показав огромные кривые клыки, страстно впиалась ему в горло. Векша нечленораздельно замычал и умер.

До того, как собаки растерзали его рыхлое тело, и даже до того, как отряд каменноликих сжег деревню Лукичи, Векша любил выискивать скрытую пользу. Бывало, возьмет отцовский ремень и из кожи рогатку сотворит. Или из бусинок сестринских горошины для плевалки сделает да такие, что лучше и больнее рябиновых били. Попадало ему потом, конечно... И, когда смертная тьма явилась к нему, поглощая и убаюкивая засыпающую навек сущность, он не испугался, а даже обрадовался. Вокруг не было ничего, только темнота Межмирья, а в ней начиналась Дорога. Векше больше не было больно и страшно. Он чувствовал легкость и желание исчезнуть. Смерть означала, что больше не будет боли и страха, поэтому мальчик с радостью вступил на еле проглядывающий путь.

Гаснущее сознание устало удивилось тому, что мрак узнал его и позвал. В совершенной тьме был некто, кто рассматривал Векшу. «Оно пришло за мной» – прошептало то, что переставало быть Векшей и становилось частью темноты. Что-то бессловесно дотронулось до него, и он понял, что ему дан сигнал следовать за еле видимым силуэтом. «Вот диво-то» – отрешенно подумало то, что было Векшей. – «Я вижу темное посереде тьмы. Разве так бывает?» Вновь к его сознанию аккуратно, но требовательно прикоснулось нечто, словно кончик невидимого прутика. «Иду я, иду» – прошептало гаснущее сознание и поплыло за удаляющейся размытой фигурой в никуда.

Но все пошло не так, когда Межмирье вздрогнуло. Раздался удар. Векша почувствовал странную силу, что была упрямее той, которая вела его во тьму. Повиснув на нем, словно гирями обвязав, сила потянула его назад. Тьма издала злой окрик и попыталась вернуть свое. То, что вновь становилось Векшей, ничего не могло сделать... а затем новая и могучая сила властно призвала Векшу назад, к жизни.

Глава II

Тупой удар в живот привел его в чувство. Тело Векши забилося в судорогах от холода и страха. Его глаза были по-прежнему закрыты. Он чувствовал, как желудок кубарем падает вниз. «Что со мной?» – пискнула испуганная мысль. – «Не буду глаза открывать и все тут. Я – мертвый. Мне глаза открывать не положено». Векшино сознание было расколото: часть его по-прежнему оставалась во тьме, однако что-то заставляло эту часть вернуться назад. «Я – жив?» – не поверил сам себе толстяк. И открыл глаза.

Лучи рассветного солнца заставили Векшу зажмуриться. Он попытался закрыть глаза ладонью. И тогда его снова ударили. От боли он прикусил язык и, замотав головой, сквозь злые слезы разглядел обидчика. Это был давешний альв с черными волосами. Судя по сивушной вони, каменноликий был в стельку пьян. Он возвышался над Векшей и слегка покачивался. В его левой руке была зажата длинная, диковинной формы, бутылка, а в правой – палка.

Альв молчал, уставившись на мальчика. Неловкий утренний свет осветил каменноликого. Ничего не скажешь – знатный вояка... Бледное и неподвижное лицо его пересекал длинный, косой шрам, что тянулся от левого виска до острого вытянутого подбородка. Нос был уполовинен, да и губы чей-то злой клинок не пожалел – сквозь жестокий разрез блестели зубы. Безжалостное это было лицо, уродливое и боевое. Векша потупился и закрыл лицо руками.

Нелюдя явно мутило. Он что-то нечленораздельно промычал, а затем его вырвало прямо на собственные сапоги. Тело альва сместилось, и пьяный каменноликий упал на колени. А затем и вовсе плашмя повалился на землю. Спустя пару мгновений он уже забылся мутным пьяным сном.

Голова Векши была затуманена кровью и болью. Тело как будто продолжали грызть ужасные псы, а сознание вопило от неправильности происходящего.

Наконец, подросток решил пошевелиться. Он подался назад, и что-то твердое толкнуло его в затылок. В ужасе повернувшись, толстяк обнаружил длинный деревянный столб, вкопанный в землю. Из столба торчала старое проржавевшее железное кольцо, от которого тянулась цепь, заканчивавшаяся ошейником из грубой кожи. Тот, в свою очередь, крепко обвивал шею Векши. Подросток еще раз опасно посмотрел на спящего альва и, дрожа всем телом, сел на корточки, прижавшись спиной к столбу.

Он был жив. В это было невозможно поверить. Векша о таком даже в сказках дедовых не слышал, а потому, все еще сомневаясь, похлопал себя по бокам и макушке. Закрыл глаза, затем вновь открыл. Сомнений не было. Обследовав свое дряблое и потное тело, он с изумлением не обнаружил и следов от собачьих укусов. Как будто и не было вовсе этих огромных челюстей. Аккуратно дотронулся до шеи – она была цела и здорова, хотя и вымазана в грязи. Нога, которую он сломал при падении с дерева, тоже не болела. От одежды лишь лохмотья остались, а сквозь дыры проникал холодные утренний ветерок.

Векша поежился. «Приснились, что ли, псы?». Мысли его, словно головастики в пруду, бешено роились и не могли прийти в порядок. Страшная погибель, тьма, дороге во мгле – это сон? Однако сознание упорно твердило, что все это он видел наяву. Да и пьяный враг, что сопел, лежа перед ним в грязи, был самым настоящим. «Колдовство это – вот что, – подумал Векша. – Бежать надо».

Легко задумать – не просто сделать. Векша испуганно огляделся по сторонам. Вокруг окружали его высокие и остроконечные походные шатры. Мальчик зачарованно уставился на них. В голове всплыли слова сказки: «Под высокими пологам, среди роскоши и богатого оружия, ведут военные советы могучие каменноликие». В этот предрассветный час стоянка альвов все еще была погружена в сон, однако Векша не сомневался, что неподалеку дежурили дозорные.

«Так мне отсюда не сбежать» – подумал мальчик и попытался протиснуть пальцы за ремень ошейника. Если получится ослабить кожу и растянуть, то удастся его снять. Векша некоторое время попытался, стараясь просунуть указательный палец, однако кожа и не думала поддаваться. Более того, ошейник словно чуял векшины мысли и еще туже стягивал его шею. Стало тяжело дышать. Векша раскрыл рот и стал жадно хватать воздух, оставив попытки снять путы. «Колдуны проклятые» – подумал толстяк и плюнул в сторону спящего воина-альвы. И тут же в ужасе вжал голову в плечи – не подумав, сделал. А вдруг, кто увидит? Опять ведь псами потравят.

В голове было пусто. Векша подумал о мертвых Миланице и Зоряне. И почувствовал, что себя ему жалче. Лица загубленных дяди и тети вовсе меркли в памяти, хотя с момента их гибели минули сутки. Наверное, сутки... «Хорошо хоть батя с мамкой не дожили, сгинули раньше» – решил Векша. Он съезжился, прижавшись к столбу.

Согреться не получалось. Подросток мелко дрожал и думал о том, что теперь он остался совсем один. Тишина спящего лагеря надвинулась на него со всех сторон. Спали даже псы-мучители. Одна только мысль о них заставила его содрогнуться всем телом. Никаких сомнений, что жизнь его окончена, у Векши не оставалось.

«Почему я жив?» Подросток, кряхтя, уселся в грязь под столбом и вытянул чумазные ноги. «Где мои раны? Почему я целый?» Ответов он не находил, да и думать об этом снова и снова было страшно.

А тут еще и голод впился в него, подобно давешним золотым псам. В векшином животе громко и требовательно заурчало. Тело хотело жить. Оно требовало подпитки. Оно желало хлеба, а еще лучше – мяса. При мысли о еде, рот Векши наполнился слюной. Это выглядело странно и не к месту. «Вот дурень-то, – обругал свой урчащий живот Векша. – Все тебе жрать подавай». Он вздохнул и закрыл глаза. «Молиться буду, может легче станет». Сложил руки и начал мысленно взывать к Светлым Братьям, чтобы дали умереть быстро и без мук.

«А главное-то я и забыл» – подумал Векша. И обратился к Той, Что Ждет. «Могильная Хозяйка, Темная Сестра» – взмолился он про себя. – «Не потеряй меня в Пути».

Жаркий полдень застал Векшу на вершине холма, поросшего молодым ельником. Час назад двое каменноликих притащили его сюда, подгоняя пинками и тычками. Подтолкнули дрожащего подростка к толстому дубу, что по-царски возвышался над хвойной порослью, и молча расселись неподалеку, разложив на траве длинные луки и причудливые мечи. Даже связывать не стали. Да и был ли в этом смысл? Мальчик чувствовал, что, стоит ему дернуться, протяжно свистнет стрела и вонзится в него, словно осиное жало. А потому притих толстяк под деревом, дрожа и вздыхая.

Один из воинов достал фляжку и, пока другой разворачивал какой-то сверток, глотнул из нее. Неподалеку паслись их скакуны. Даже страдающий от дурных предчувствий Векша с удивлением заметил, что наездники не удосужились привязать лошадей к деревьям.

Станным образом, к страху его перед конниками прибавилось и невесть откуда взявшееся любопытство. Раньше он только жуткие истории про каменноликих слышал, а теперь вот – довелось увидеть их вживую. Пережить бы еще... В душу мальчика постепенно закрадывалась слабая надежда – а вдруг не убьют? «Жить-то как хочется» – всхлипнул Векша про себя, ибо боялся звуком или вздохом привлечь к себе внимание. Альвы были заняты своими делами и не обращали на своего пленника ровно никакого внимания. Будто и не было его вовсе. «Правильно, от них и не сбежишь» – подумал Векша. – «Вон, луки рядом положили. С холма скатиться не успею, как подстрелят».

Послышалось конское ржание. Из чащи на поляну перед склоном выехали всадники. «Как они по лесу на лошадях разъезжают?» – изумился Векша. – В этих местах не везде и пеший пройдет».

Между лошадьми крутились проклятушие золотые псы. Векша весь сжался от ужаса, услышал знакомый лай. Он сразу узнал одного из вновь прибывших – того самого, что в блевотине своей полночи проспал. С ним рядом качался в седле другой каменноликий, совсем Векше незнакомый. Мальчик не мог припомнить его среди вчерашних мучителей. От седла альва тянулась веревка в десять локтей, к концу которой был привязан некто, с напаянным сверху мешком, скрывавшим тело почти полностью. Довольно резво приближались всадники, так что тому, кто был в мешке, приходилось бежать вслед за лошастью. «Еще кого-то в плен взяли» – подумал мальчик. Он немного обрадовался: может, кто из его села уцелел?

Каменноликие спешили. Некто в мешке послушно застыл. Из-под мешковины торчали грязные и худые ноги. Человеческие.

Псы остались сидеть рядом с конями, высунув языки и жадно уставившись на сидящего под деревом толстяка. Вид у них был недоуменный. Видно, силились понять, как вновь ожил тот, кого они вчера сгрызли.

Непохожим был новый альв на остальных. В наряде его не было ничего вычурного. Другие воины все щеголями вырядились – комзолы коричневые да зеленые, на солнце отливающиеся. А этот – по-простому одет. Серый дорожный плащ, под которым виднелась перевязь с мечом в простых ножнах. Такое же, как и у остальных, юное восковое лицо; аккуратно уложенные за острые уши снежные волосы и прозрачные глаза. Весь он был какой-то бледный и тусклый, словно окно запотевшее. Каменноликие, что привели Векшу на холм, вскочили на ноги и почтительно поклонились Белому, стараясь не встречаться с ним глазами. «Главный их, поди, – подумал толстяк. – Ишь как перед ним стелятся».

Альвы неспешно приблизились к притихшему под деревом мальчику. Вояка со шрамом учтиво обратился к Белому, пристально вглядываясь в непроницаемое лицо. Губы его медленно шевелились. Главный каменноликий особо и не слушал своего спутника: посмотрел мельком на Векшу и тихо пробурчал нечленораздельное на своем. Затем он подошел к мальчику. Сопровождающих словно ветром унесло. Они спустились к подножию холма и выжидательно застыли. Не по себе стало Векше от таких приготовлений. И тогда он решился.

– Господин, – сказал он. – Господин, отпустите сироту. Пожалейте.

– Замолчи, – по-человечьи ответил нелюдь, строго приложив палец к узким своим губам. Затем приподнял пальцами векшины веки и что-то задумчиво прошептал себе под нос. Векша осекся и умолк. Он вспомнил, как дядька его Вторак отбирал козленка к праздничному ужину. Тот тоже – осматривал, выбирал, а потом – чик! – ножом по козлячьей шее. И нет козлика... «Неужто они сожрать меня хотят?» – в страхе подумал мальчик.

Тем временем, Белый жестом подозвал своих спутников. Он остался доволен осмотром и что-то долго и монотонно объяснял Вояке, который, чуть склонив голову, внимал ему и кивал. Неподвижные черты альвов ничего не выражали. Ни чувства, ни жизни в этих восковых лицах не было – пустота одна. «Словно, у мертвяков рожи» – подумал Векша. С каждым мгновением тревога его усиливалась. Он всем нутром ощущал, что идет подготовка к чему-то важному и страшному.

Солнце скрылось. Векша посмотрел на небо и увидел зависшую над холмом большую грозовую тучу. В лесу воцарилась тишина; даже саранча смолкла в траве. Векша тоскливо подумал, что дождик – это хорошо. Под дождиком яблоки сладкие будут расти. В деревне его, в Лукичах с весны все деревья в цвету стояли, и рядовичи много яблок ждали. Теперь собрать их некому будет.

Миланица... Чувствуя разливающуюся тупую боль в груди, подросток подумал, что после псов и хоронить теперь нечего. Ласковая и добрая сестра сгинула так люто, что и в сказках

не описать. «Сестричка, – подумал Векша. – Бедная моя. Прости, что не помог. Ты же знаешь, какой я непутевый. Жди меня, я скоро приду. Пусть только это будет не больно». И Векша тихо заплакал.

Старший каменноликий долго совещался с Воякой и остальными альвами, поглаживая гладкий, лишенный растительности подбородок. В этот момент он был похож на человека – сосредоточенного и задумавшегося. Отвлечшийся на свои горестные мысли, Векша не сразу заметил, что снежноволосый принял из рук подчиненных веревку, за которую, словно пса, тащил он плененного в мешке. А затем деловито и быстро сдернул мешковину. Векша подался вперед в надежде увидеть кого-нибудь из родных. Однако мешок скрывал нечто иное.

Ох, ты ж! Векша зажал рот обеими руками, чтобы не завопить дурниной. Зрачки его расширились, а дыхание участилось. Белый уставился на мальчика своими неживыми глазами и, неспеша развязывая руки тому, кого скрывала прежде мешковина, коротко скомандовал:

– Беги.

Векшу и уговаривать не пришлось. Он вскочил зайцем, словно не был грузным и неповоротливым, и рванул с холма так, что только пятки замелькали. Припустил прямо через ельник, ломая молодые деревца и топчя ровный слой мха, наросшего между ними. Он не чувствовал, как колючие хвойные лапы царапают кожу и рвут лохмотья. Кровь била в нем, подобно бурному речному потоку. Векше на секунду показалось, что еще немного, и он взлетит. Однако вспомнив того, кого увидел мгновения назад, мальчик припустил еще быстрее, молча и стремительно раздвигая локтями злые ветки.

Скатившись с холма кубарем, подскользнувшись на скользком склоне, чудом при этом не упав, Векша, постанывая от ужаса и напряжения, нырнул в чащу. Перепрыгнув через поваленный ствол, он увидел широкий просвет между деревьями. Рванул к нему, размахивая руками, будто пытаясь этим ускорить свой бег.

Векша остановился лишь тогда, когда почуял, что горло его наполнилось слизью и кровью. Казалось, что бежал он вечность. Однако подросток нашел в себе силы и двинулся дальше резвым шагом, ловя воздух ртом и лихорадочно оглядываясь по сторонам в поисках убежища.

Глухая и нехоженая чаща окружала его. Солнечный свет отражался мириадами искристых зайчиков, еле пробиваясь через густые ветви высоких берез да осин. Векша, согнувшись и жадно вдыхая лесное марево, никак не мог прийти в себя от бега. «Надо дальше бежать» – промелькнуло в его голове что-то упрямое и настойчивое, но толстяк понимал, что сил у него не осталось. Охая, добрался он до подвернувшегося мелкого овражика и съехал босыми пятками по его склону.

Дно ямы было покрыто слоем прошлогодней сгнившей листвы. Векша упал на спину; не переставая жадно дышать, кряхтя, закидал себя листьями и сучьями. «Авось не погонятся, – с надеждой подумал он и попытался успокоить дыхание. – Здесь отлежусь пока». Каждую мышцу его тела трясло. О том, что по следу могут пустить псов, Векша старался не думать. Главное, чтобы не пошел тот, кого скрывали под мешковиной. Векша зажмурился и стиснул зубы. Хоть бы отпустили. Сам ведь старший приказал: «Беги».

Вспомнив о существовании в мешке, Векша заскрипел зубами от омерзения. Такого страха он и не представить себе не мог. Куда там альвам с их псами? Отогнать ужасное видение у Векши не получалось. «Откуда нелюди такого вырыли?» – тихо пролепетал он. Дыхание его успокаивалось, а голова прояснялась.

Раздался шорох. Затем нечто мощно и грубо схватило мальчика за ногу и, в мгновение ока, выдернуло из хлипкого убежища. От неожиданности Векша завизжал и попытался пнуть врага свободной ногой. Удар пришелся во что-то жесткое и твердое.

Когда-то это нечто было человеком, хотя Векша и представить не мог, как Такое может существовать и топтать землю Удела. На жилистых, длинных и сильных ногах покоился худой-прехудой человеческий торс с ввалившимся до позвоночника животом. Мужской, хотя природные

члены, свидетельствовавшие о его мужественности, у него отсутствовали. Бугристые, невероятно раздувшиеся мускулы покрывали руки этого странного существа, делая и без того жуткую тварь еще более неправильной. Однако было нечто, что Векша отказывался понимать и во что не мог поверить его мозг. У существа не было головы. Узкие плечи, переходящие в могучие руки, сходились там, где должна была начинаться шея. Но и ее не было.

Вопя во всю глотку, Векша снова ударил безголового ногой. Существо же, не обращая внимания на удар, резкими и стремительными движениями оседлало мальчика, усевшись ему прямо на живот, и обхватило ладонями шею. Сдавила так, что Векша сразу потерял дар речи и возможность кричать дальше. Он почувствовал, как под давлением жестких пальцев ломается его кадык. Из глаз пошла кровь; рот Векши вновь раскрылся, но даже шипение не могло вырваться из скомканного горла. Воздух более не проникал в его легкие. Векшины руки безрезультатно пытались оторвать от шеи лапы безголового, однако проще было камень пальцами перетереть – ручища твари были твердыми, сильными и, вдобавок, скользкими. Голова Векши дернулась в последний раз. Взгляд юноши залило кровавое море, и мгновение спустя он испустил дух.

И снова его сознание очутилось во мраке Межмирья. И вновь молча смотрели друг на друга мальчик и тишина. Все было почти, как в прошлый раз. Однако не совсем так. Тьма была зла, и то, что было Векшей, остро чувствовало это. И ощущало оно, что снова фигура во мраке не может провести его душу по сумеречной дороге. Из тьмы пристально вглядывались в мертвеца-неудачника черные, словно дно старого колодца, глаза. Затем Межмирье вздрогнуло, и Векша во второй раз вернулся к жизни.

Глава III

Спало марево. Мальчик чуть приоткрыл глаза и сквозь ресницы посмотрел вверх. Он увидел над собой длинную, узкую ладонь. С конца изящного, ухоженного ногтя свисала огромная и тяжелая бурая капля. А над всем этим возвышалась фигура белого альва. «Снова жив» – подумал несчастный Векша. – «Эти колдуны проклятушие меня снова оживили!». Векша закрыл глаза, попытавшись притвориться мертвым. Вдруг произойдет чудо, и мучители примут его за труп. Должно же ему хоть раз повезти? «Светлые Боги, где вы? Заступитесь за меня» – начался молиться толстяк, пытаясь задержать дыхание и оставаться неподвижным. Однако, получив мощный пинок сапогом по ребрам, ойкнул и сжался. Затем перевалился на колени, держась за грудь, и, дрожа, выставил перед собой руки, пытаясь оградить себя от следующего удара. Вояка со шрамом вновь замахнулся. Векша бессвязно замычал и сел на корточки, прикрыв голову руками.

Он снова находился на холме. Вокруг сгущались сумерки. Шелестела листва дуба. Земля была сырой и мокрой после прошедшего недавно дождя. Краем глаза увидел Векша, что возле корней образовалась мерзко пахнущая темно-красная лужа, а по влажному воздуху разносился запах тухлятины. Где-то прокричала лесная птица и тут же испуганно смолкла.

Каменноликие собирались в путь. Они навьючили лошадей и теперь тихо переговаривались. Векша сидел под деревом, закрыв голову руками, и лихорадочно дышал. «Пожалуйста... пожалуйста... Не надо больше!» – снова и снова повторял мальчик про себя одну и ту же фразу. Ничего он так не хотел, как того, чтобы его больше не трогали.

Старший альв стоял у своего коня. Он вперился глазами в чашу, словно ждал кого-то. И точно: через несколько мгновений из леса показался силуэт безголового человека. Существо приближалось к холму с невероятной скоростью, слегка сгибаясь и размахивая своими огромными руками. Плечи монотонно двигались в такт длинным ногам, которые несли безголовое туловище с нечеловеческой ловкостью. Когда безголовый приблизился к подножию, Белый связал ему руки, а потом набросил на него мешковину. Ткань ее стала темной после дождя. Было видно, что она насквозь пропиталась водой.

Альв удовлетворенно вздохнул. Так вздыхают люди после тяжелой и изнурительной работы. Он повернулся, посмотрел на дрожащего, словно лист осенний, Векшу, задумчиво погладил подбородок и что-то коротко произнес. Один из каменноликих, сидевший на коне, откликнулся. Привычным и молниеносным движением вытащил он из узорчатого чехла лук, вложил в него стрелу и, не целясь, выстрелил. Стрела свистнула, пронеслась по влажному воздуху и легко вошла в глаз не успевшего что-либо понять Векши. Толстяк даже ойкнуть не успел. Его отбросило спиной к дубу и распластало у подножья.

Через несколько мгновений холм и поляна перед ним были пусты. Не было ни альвов, ни их псов, ни прикрытого мешковиной безголового. Лишь издали донеслось лошадиное ржание, но и оно скоро растаяло во влажном воздухе. А на холме остался лежать мертвый Векша. Он валялся на боку, а по стреле, торчавшей из глазницы, пробежал куда-то по делам юркий муравей. Дуб молча смотрел на нелепую и неживую фигурку, недоуменно шелестя листьями. Вся эта возня была ему непонятна.

Опускались сумерки. Где-то закаркала ворона. Затем еще одна. Птицы слетались к старому дубу. Они были голодны, но знали, что теперь это поправимо.

Тьмы не было. И дороги во мраке Межмирья тоже. Ничего этого не было. Векша обнаружил себя посреди странного места – то ли лес, то ли болото. Тихо было вокруг: ни ветерка, ни шороха. Оглушающая тишина владела этим местом по только ей известному праву.

Голые мертвые деревья застыли в болотистой земле, покрытой коричневым мхом да отпавшими сучьями. Над всем этим нависало тяжелое осеннее небо – непроницаемо-серое и неживое. Впрочем, Векша чувствовал, что слово «живое» никогда не сочеталось с этим местом.

Векша устало огляделся по сторонам. Сил удивляться и бояться больше не было. Он знал, что мертв. Но знал, что смерть его может быть лишь краткой задержкой перед очередными муками. Страшиться было бесполезно. Он мрачно вздохнул и почесал живот сквозь прореху в рубахе. «Вот помер, а до сих пор в лохмотьях» – подумал он. – «А сказывали, что мертвецам одежда непотребна. Враки одни». Уселся на поваленное сухое дерево и стал ждать, когда его снова оживят. Уныло ему было и грустно. Да и земля здесь была такая тоскливая, что сердце, пусть и мертвое, слезами обливало.

– Ну, давайте уже, – злобно проговорил Векша. – Пусть вас черви сожрут! Давайте, вражины остроухие, мучьте дальше. Отольются вам мои страдания.

Время шло, и ничего не происходило. Векша боялся и мысли допустить, что все кончено. «Неужто отпустили, гады?» – подумал он. Он сидел, сложив руки на коленях, и все ждал и ждал чего-то. Место было мрачное и тихое, но здесь было спокойно и не страшно.

– Ну, хватит, что ли, ждать, – сказал толстяк. Эха в здешних местах не было, а оттого прозвучал его голос глухо и пусто. Но Векшу это не волновало. Он яростно взлохматил и без того торчащие в разные стороны волосы и потянулся. Вот оно, оказывается, счастье – чтобы дали помереть и не трогали после! Если бы сказали ему об этом еще сутки назад, он бы ни в жизнь не поверил.

– И что дальше? – спросил Векша. Вслух, ибо угнетала его тишина этого места. Если это – смерть, то где тогда Та, что ею ведает?

– Ох, ты, – промямлил подросток. В ста шагах от него стояла изба. Крепкая, из цельных стволов сбитая. Мальчик готов был поклясться, что раньше ее здесь не было.

– Мне туда? – снова спросил он неизвестно у кого. Кивнул, вдохнул и пошлепал в сторону диковинной избы. Не век же ему между пеньками бродить? Болотная грязь чавкала под босыми ногами, облепляя их теплой жижей.

Чем ближе подходил Векша к избушке, тем тревожнее становились его мысли. Кто его знает, что ждет внутри. Он догадывался, кому принадлежит это место. Не только дом, но и окрестности. В сказках всякое об этом месте было говорено. Векша внутренне содрогнулся, вспомнив сказку про мужика, что проспорил свое имя первому встречному. «Так, он сюда, видать, и попал. Упасите меня, Светлые Братья, в такую передрыгу влипнуть!»

Идти было тяжело. Между пеньками хлюпала темная вода, и босые векшины ноги очень быстро покрылись толстым слоем грязи. Мальчик мрачно подумал, что и после смерти не будет ему от грязюки лесной покоя. Чистюлей он и при жизни не был, а теперь еще в мертвом виде всю грязь собрал. Не раз влетало ему и от дяди, и от тетки за чумазные ноги. Векша тряхнул головой, стараясь не думать о близких. «Теперь им не больно» – подумал он, запретив себе вспоминать о гибели Миланицы и родных. Но все равно не смог: в памяти загнутый меч свистнул да тетка ахнула сдавленно.

Погруженный в свои мысли, он и не заметил, как оказался у входной двери в избу. Векша насутился и постучал.

– Иди-ка ты, Векшик, ноги помой, прежде чем в чистую горницу входить, – раздался изнутри женский голос. – У колодца ведро стоит.

Векша шмыгнул носом и посмотрел по сторонам. Оказалось, что стоит он посреди большого, обнесенного высоким забором, двора. Неподалеку увидел поленницу, а у поленницы – колодезь. Пожал плечами толстяк, решил ничему не удивляться и пошлепал через двор к колодцу. Поплескал водой на босые ноги, потер их ладонями. «А что тут такого?» – пробурчал он под нос. – «Правильно сказывали, что Она чистоту любит. Потому покойника и моют всегда, перед тем как в домовину снести».

Векша осторожно переступил порог и вошел в большую и светлую горницу. Обычное все – лавки вдоль стен, стол да печка. Словом, изба как изба – все, как у людей. Чистая и просторная. Хотя ничего больше в избе не было: ни сундуков, ни бабьих удобств. Пусто. Лишь смотрела на дверь прибитая к стене мертвая козлиная голова. И свет серый из окон бил.

Спиной к Векше у печи хлопотала женщина. В горнице было душновато и пахло жаревом. Векша стоял столбом, не зная, что делать дальше, и не решаясь заговорить первым. Он знал, кто перед ним, но совсем не трусил. Разве что, немного.

Женщина захлопнула печную заслонку и повернулась лицом к мальчику. Векша поклонился поясно и, как учили, поздоровался:

– Мир твоему дому, хозяйка.

Женщина улыбнулась, а Векше стало тепло от ее улыбки. Он знал, кто перед ним.

Могильная Хозяйка имела облик зрелой бабы с веселым и живым лицом. Чуть заметные морщинки у краешка губ, лоб высокий да чистый, губы полные. Грудь большая, а ниже талии тело уже грузноватое. Словом, обычная баба, перевалившая пору зрелости. Волосы ее были аккуратно уложены и покрыты простой светлой косынкой. И платье было самое, что ни есть, немудреное – ситцевое, легкое.

– Наконец, дошел до меня, Векшик. Отпустили они тебя, значит, – промолвила Мора, указывая пальцем на скамью, что стояла у широкой столешницы. Векша покорно проследовал и сел за чисто накрытый стол, думая о том, что «Векшиком» его прозывали доселе лишь тетка да сестра.

Мора внимательно посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Не бойся ничего, – и повернулась к печи, – Есть, поди, хочешь? Сейчас вечереть будем.

Векша остолбенел. В сказках да преданиях о Могильной Хозяйке разное сказывали, но чтобы гостей потчевать? И тут мысли его прервались, потому что по воздуху поплыл дивный аромат, от которого толстяк чуть не захлебнулся слюнками. Это же...

– Я к твоему приходу блинов напекла, – заявила хлопотавшая со сковородой Темная Сестра. – Поминки, как никак. Да и не ел ты давно. Плохая буду я хозяйка, если такого гостя некормленным-непоеным оставлю.

«Кого поминать-то?» – захотел спросить Векша, но вовремя спохватился. – «Вот я дурень! Это же меня поминать надо. Я же помер!».

А тем временем, стол чудным макаром заполнялся яствами да питием. Яблоки, груши, орехи, корытца с медом да сметаной, кувшин с квасом. «Откуда это здесь?» – изумлялся Векша. Мертвым он был, но аппетит его никуда не делся. И когда Хозяйка водрузила в центр стола блюдо с блинной горой, мальчик больше не мог сдерживаться. Сначала опасливо, а потом уже жадно и быстро начал он хватать блин за блином; макать, поочередно, то в сметану, то в масло, то в мед, то в варенье из клюквы да брусники и закидывать себе в рот сладкие и сытные комки. Отродясь таких вкусных да румяных блинов ему есть не приходилось. Сама же Мора пару всего съела; больше на Векшу поглядывала.

Глаза у нее были темно-серые и глубокие-преглубокие, словно море-океан. Подумалось Векше между делами блинными, что у неба здешнего такой же цвет – сумеречный и бесконечный. Зачем-то кинул он взгляд на давешнюю козлиную голову и остолбенел – аж блин комом

встал в горле! Теперь смотрели мертвые козлиные глаза на Векшу с другой, противоположной стены. Словно следили. «Ну, знать, надо, чтобы так было» – успокоил себя подросток, хотя взгляд дохлой козы ему совсем не понравился.

– Думала я вначале молодой девкой прикинуться, – сказала Мора. – Но потом решила: нет, не стоит. Нас разговор с тобой серьезный ждет. Нечего тебя своим видом отвлекать. А уж старухой-бабкой я и сама не люблю показываться.

Векша только головой кивал. «Хоть наемся напоследок» – думал он, усердно набивая брюхо.

Спустя время толстяк отвалился от стола и, пообвыкнув, развалился на скамье. Еда со стола пропала, а сама богиня увлеченно вязала, аккуратно шелестя спицами. Если бы не серый свет, бьющий в горницу с улицы, можно было подумать, что не Могильная Хозяйка перед ним, а обычная кума. Но Векше было лениво размышлять о здешних странностях: ему стало уютно и хорошо. Память о боли пропала, и лишь изредка покалывали внутри отголоски пережитых ужасов. Тех, что прошел он, будучи живым. В присутствии богини смерти не было страха. У Векши и вовсе возникло чувство, что с Могильной Хозяйкой он всю жизнь знает. «Ну, да... Знаюсь» – и стал вспоминать все похороны, на которых был. В Лукичах они не были редкостью. Детишки рождались и умирали часто. Да и взрослых смерть часто навевала – от недугов да диких зверей. Двоих болотная лихорадка за одно это лето до домовины довела.

– Госпожа, когда я смогу к родным пойти? – неожиданно для себя, спросил расхрабренный Векша. Сказал и сразу осекся. Пальцы Моря перестали шевелить спицами. Она оторвалась от вязания и грустно посмотрела на него своими бездонными серыми глазами.

– Можно прямо сейчас, – сказала богиня. Голос ее был мягок, но сквозило в нем что-то нечеловеческое. Древнее, как солнце. А еще был он с хрипотцой, как случается это с женщинами, что всю жизнь трудятся в поле, подставляя шею горячим и ледяным ветрам. – Ты это заслужил. Хочешь – сейчас отправлю? Или еще посидим-побеседуем?

Удивился Векша: «Оказывается, на то мое согласие нужно». И ответил, тщательно подбирая слова:

– Как скажешь, хозяйка. Я уж и не тороплюсь вроде.

Мора нахмурила брови, но губы ее разошлись в улыбке:

– Странный ты... Сразу видно – последний человек. А мне ведь больше некого здесь встречать.

Векша остолбенел. Такого он не ожидал

– Знаю, о чем спросить хочешь, – сказала Мора. Спицы в ее руках то ускорялись, то замедлялись. – Тебе сказывали, что еще на Севере, у Студеного моря, живут поморяне. Да и Черный Лес велик. Лютовичи, гнездовичи, речники... Народец у Хребта. Все те, до кого каменноликие раньше не добрались.

Она действительно прочла его мысли. Рядовичи, что жили в Лукичах, поддерживали связи со многими племенами. Раньше друг к другу весточки посылали. Давно, правда, ответа не приходило.

– Мертвы, Векшик, все мертвы. И каждого я встретила и дальше проводила. До тебя двоих – Зоряна, а потом Миланицу, – произнесла Мора, не отрываясь от вязанья. – А теперь не найти человечков во всем Уделе. Ты – последний.

Векша сопел, не зная, что сказать. Наконец, спросил:

– А я матушку с батей Там увижу? И Миланицу? И деда?

– Не могу ответить тебе. Знать сего даже мне не положено, – сказала Мора. – Из века в век людей встречаю и показываю, куда идти. А что Там, мне неведомо, ибо Там я не была.

Помолчали. Векша чувствовал, как по его телу разливается сонное тепло.

– Я знала, что когда-нибудь этот день придет. Я приняла в себя смертный вздох всех проживших жизнь и окончивших ее. По Изначальному Наказу все было правильно, все было вовремя. Вы плодились, множились и умирали. Все, как надо. Как должно быть.

Векша внимал Темной Сестре, вслушиваясь в неспешный ход ее голоса. Само время и пространство не действовало в этом месте. Часы, дни, столетия роились вокруг горницы Сумеречной Моры, но внутрь не было им пути. На мгновение он увидел себя совсем маленьким, рядом с сестрицей, слушающего дедовские сказки.

Историю, которую рассказывала ему Мора, он знал. Но сказывала она не так, как у людей было принято. Много непонятного и неясного услышал мальчик. Векша только сейчас по-настоящему ощутил, какое древнее и непостижимое существо сидело перед ним, склоняясь над вязанием.

Нет, дед не так рассказывал.

Сказка о Светлых Братьях и Темной Сестре

У деда Возгаря была длинная седая борода. Каждый вечер он усаживался на лавку у печи, доставал старую роговую расческу и начинал тщательно расчесывать свое богатство. Не торопясь, выверенными направлениями, скользил гребень сверху вниз по белоснежному водопаду, оставляя за собой четыре параллельных борозды.

Векша в ту пору был совсем мал. Зачарованный, он безотрывно наблюдал за дедом. Сидел, мелкий, на полу и заворожено слушал старика, следя глазами за движениями расчески. А дед, старательно выуживая из гребешка отпавшие волосы, рассказывал сказки. Глухой голос его разносился по горнице. Чуть подрагивала ему в такт паутинка над окном. Пахло вареными грибами и сырым тестом.

– В те времена была Тьма и Тишина. Да и времени самого не было. Была только твердь, по которой бродили Тени, и друг другу задавали всяко-разные вопросы:

– Кто ты?

– Кто я?

– Куда идешь?

– Что ищешь?

Много их было в той Тьме, и у каждого были вопросы. И вот некоторые тени научились отвечать друг другу. Говорили предки наши, что только тогда облеклись они в тело и стала их суть наполненной. Мудрость и жизнь стали сеять они вокруг. А те тени, что не ответили друг другу, остались бесплотными и безжизненными. По сей день ходят – невидимые, словно воздух.

Так возникли Предки богов. Когда сие происходило, уже и не упомнит никто, ибо было это так давно, что и слов объяснить не хватит.

Как-то собрались Предки богов вместе и стали думать вещи. И стали вещи создаваться: солнце придумали, твердь, что Уделом прозывается среди нас, мороз и время, воду всякую – соленую и пресную, животных и леса. А когда мысли стали заканчиваться, Предки, довольные, решили уйти дальше думать, а над всем придуманным оставили девятерых учеников надзирать. Чтобы скучно им не было, сделали они их разными и нарекли непохожими именами. Волоса и Зварога, а также сестрицу их Мору одарили одним видом. Других трех – Одера, Химдалла с сестрой Хеллой, сотворили иными. И, наконец, последнюю троицу придумали – Грогга, Барра и Караду. Все были разными, непохожими. Так распорядились Тени.

И вот остались они в девятером и стали думать сами. Были боги совсем юными, и хотели свою жизнь сами создавать. Братья думали и делали, а сестры наблюдали, как из глины, воды и огня лепили они свои игрушки. Волос со Зварогом людей вылепили по своему образу; Одер с Химдалом – коротконогих свергов, коих мы гномами прозываем; а Грогг-урз и Барр-урз – могучих, подобных зверям, уруков – в точности таких же, как они сами.

Взяли да расселились их творения по Уделу. Стали города строить да меж собой спорить, кто лучше своим Богам служить будет. Братья войной и законами правили, а сестры за ними, как и положено послушным бабам, прибирали. Так и стали смертной дорогой Сумеречные Сестры заведовать – Мора, Хелла и Карада. Но чужих детей не водили по последнему Пути. Только своих. Так и жили тысячи лет, пока не исчезли людские боги-братья, оставив одну Мору.

– А куда боги делись, дедушка? – удивился маленький Векша и даже палец из носа вынул – так ему интересно стало!

Возгарь расческу свою за пазуху засунул. Внука по голове погладив.

– Кто же их знает... Волхвы сказывали, что настало время, когда перестали Светлые Братья на молитвы отвечать. Лишь Мора Могильная Хозяйка людям являлась по-прежнему.

Кроме нее, голубушки, нет больше у племен человеческих заступников. Встречает она покойничков и путь им указывает. А иногда в Удел спускается, дабы живым советом помочь. Сказывают еще, что ищет она братьев своих да не может найти.

Дверь в горницу скрипнула. Домашние с поля вернулись. Векша вскочил и к родителям побежал, чтобы дедову сказку им пересказать. Дед улыбнулся и следом за внуком пошел.

Глава IV

Мора молчала, перебирая спицами, а Векша все ждал, когда она заговорит. Боязно было первому к Хозяйке обращаться.

– Альвы тебя зачем оживляли? – вдруг спросила она у Векши. – Как это сделали? Никто до них такого не делал.

И добавила задумчиво, увидев, что Векша плечами пожал:

– Ну, да, откуда тебе знать. Такого отродясь в Уделе не было. И что это за лиходейство такое, чтобы душу свободную в мертвое тело возвращать? Еще безголовый этот – не живой, не мертвый... Откуда пришла к каменноликим такая власть?

Отложила пряжу. Потемнело лицо богини.

– Втянули в заговор против моих детей неразумных свергов и уруков, истребили мой закатный народ, последнего истязали и мучили. Договор нарушили, песьи дети.

В ее голосе была ярость. «Это она не ко мне обращается. Сама с собой говорит. Привыкла, небось. Одна же живет» – догадался Векша.

И пока бормотала Могильная Хозяйка, сама с собой советуясь, присмотрелся Векша от нечего делать к тому, что Мора пряла. Это была простая скатерть. Простая – да непростая: сами собой на белой ткани проявлялись по всей длине искусные рисунки, вместе образующие тонкое письмо. Векша решил не удивляться.

– Нравится? – заметила его любопытство богиня.

– Да, хозяйка, – ответил Векша. Тем более, что скатерть ему и вправду приглянулась.

– Тебе отдам. Но потом, – сказала Мора. – Когда сделаю.

– Где я ее стелить буду? У меня теперь и дома-то нет, – изумился Векша.

– А вдруг будет? – прошептала Мора, склонившись над столом, будто кто подслушать их мог. – Потолковать с тобой хочу, дитя.

Темная Сестра вдруг пристально взгляделась в окно, словно увидела там что-то. Нахмурилась. Векша сидел себе тихонько на лавке. Затем Мора вновь заговорила.

– Альвы тебя от меня два раза забрали. Я знать хочу, как они это сотворили. И ты мне поможешь. Разумеешь, о чем я толкую?

Векша напряг немощные свои мозги, но сделать это было непросто. Почесав затылок, признался:

– Нет, хозяйка, не разумею.

Мора встала со скамьи, обошла столешницу и подошла вплотную к Векше. Неожиданно протянула к нему руку и ласково провела по взлохмаченной макушке толстяка. «А рука-то холодная» – вздрогнул подросток.

– Помнишь, как последним стал из рода людского? Видел, как умерли последние закатные детишки?

Векша кивнул и понурил голову. В памяти его всплыли картины из недавнего прошлого. Село, срубы с резными крышами, частокол с охранными рунами на воротах, праздники медовые да мясные. Печной запах в его доме. Родичи, бабушка, храбрые мужи и любящие жены из племени рядовичей.

...В темноте ворвались в спящие Лукичи альвы. Только свистнули вылетевшие из ночного леса стрелы – и не стало дозорных, что у частокола сторожили. А за передовыми вошли в человеческое селище в полном молчании лютые альвийские воины. Рассыпались по домам и молча, с восковыми своими лицами, резали не успевших проснуться рядовичей.

Миланица Векшу с лавки за шкуру сдернула, и с криком «В лес бежим!» во двор потащила. Там уже рычали золотые псы, рвали мясо пытавшихся собраться вместе людей, а альвы в зеленых кожаных латах прорывались сквозь отчаянно сопротивлявшихся мужиков к цен-

тру села – к Большому столбу. Векшин дядя Вторак, бешено скаля зубы, бился с наседавшим на него воином, прикрывая убегающего в сторону леса сына Зоряна. Крякнув, разможил булавой ничего не выражающее (даже перед смертью!) лицо остроухого, но и сам лишился жизни от лихого удара подскочившего врага.

В отблесках пламени длинноногая и стройная альвийка-лучница, удобно устроившись на коньке избы, деловито, не промахиваясь, пускала стрелы в сторону бегущих из села детей. Свистнет стрела – со всхлипом падает в траву мальчишка. Вторая полетит – замолкнет навеки, уткнувшись в землю, девочка. Дети бежали, хорошо видные в высокой траве из-за светлых рубашонок. Кто-то за руки держался, а кто-то просто ручками размахивал. Всех стрелы догнали. Лишь рыдающая Миланица, бледный Зорян да задыхающийся и потный от бега Векша смогли добежать до кромки леса, нырнув в спасительную мглу. И, уже углубившись в чашу, долго слышали они, как истошно кричат их родичи в охваченном погибелью селе.

А потом вспомнил Векша, как бежали они по лесу. И золотых псов, лающих и рвущих плоть. И крики раздираемой собачьими клыками сестры. И свою смерть, после которой ждал его не покой, а новые муки.

Векша тяжело вздохнул и встряхнул головой, прогоняя страшное видение. Мора грустно смотрела на него, словно чувствуя и прогоняя сквозь себя его страх. Взгляд ее бездонных темно-серых очей пронзал насквозь, впитывая боль и память юного рядовича. И так стало пусто и тоскливо Векше, что захотел он провалиться и ничего вокруг не видеть. Мора отвела глаза и произнесла:

– А теперь слушай, Векшик, что я тебе предлагаю. Придется тебе подумать и выбрать. Здесь уж я тебе не помощница.

Мальчик уныло кивнул.

– Первое... Отпускаю тебе на волю, лети себе степной птицей во тьму и тишину, где вечный покой. Может быть, ждут тебя там. А вслед за тобой и я уйду, ибо какой прок от Сумеречной Сестры, если встретить ей больше некого?

– А второе что? – спросил Векша, весь вперед подавшись.

– Оживлю тебя, – сказала Мора и выбившуюся из косынки прядь обратно заправила.

Векша даже рот разинул от изумления.

– Неужто так можно?

– Если очень надобно, то можно, – ответила Могильная Хозяйка. В глазах ее мелькнула озорная искорка. – Есть у меня изначальное право вернуть к жизни одного из людского рода. Только одного. И у Светлых Братьев тоже есть, только где их докличешься теперь?

Ошарашенный Векша пожал плечами.

– А что я делать буду? – только и смог, что спросить. В голове его наступила полная неразбериха.

– Что хочешь, то и делай, – сказала Мора. – Хочешь – бегай, хочешь – сиди. Только разузнай, как альвы тебя воскресить смогли. Уж больно мне любопытно.

Векша ошарашено молчал. Выходит, что Могильная Хозяйка предлагает ему, сыну крестьянскому, еще раз пожить? Нет, не верит он в себя. Не готовили его такие подвиги совершать. Страшно снова смертные муки испытать. Кто знает, что еще уготовят ему каменноликие, если он вновь попадется. Да и боялся Векша в глубине души, что развернули остроухие своих коней и обратно скачут, чтобы вновь оживить его. Передумали, может... Кто их знает, нетопырей. А за ними несется вприпрыжку безголовая бестия.

– Когда тебя из моих рук вытащили, – сказала Мора. – Поняла я, что альвы в своих чумлениях научились страшному и великому, что роднит их с богами. Мертвого к жизни возвращать – виданное ли это дело? Стервецы! Разузнал бы ты, Векшик, что да как? А я тебе помогу, чем смогу.

Векша разволновался. Никогда прежде не вставал перед ним такой выбор. Нет, ну там между яблоком и орехом выбрать – это всегда понятно. А вот между жизнью и смертью? «Я ведь и так умер» – задумался он. – «Вижу, нет тут ничего страшного. Там, где жизнь, страшнее». Боязно ему стало возвращаться туда, с чего все началось. Сама мысль, что ему предстоит вновь увидеть альвов, приводила мальчика в ужас.

Мора продолжала говорить, вновь взявшись за спицы.

– Ни силы, ни ума, ни богатства я тебе не дам, ибо оно все пустое и ничего не стоит в Уделе. А вот подарю тебе одну радость, о которой ты узнаешь сам, если жизнь выберешь. Но уж, поверь, этот дар будет значить больше, чем дружины да деньги. Многие нелюди тебе завидовать станут и дружбы твоей искать, только я тебе советую никому, без особой надобности, себя не раскрывать.

Мора буквально пронзала его глазами. Каким-то глубоким внутренним чувством Векша понял, что старая богиня не готова покинуть мир. Потому и уговаривает его. «Ух, ты» – насыпился он про себя и приосанился. – «Выходит, что от меня жизнь самой Темной Сестры зависит? Вот так я». Мора хмыкнула, но мальчик этого не заметил, погруженный в себя. Богиня развлекалась, читая горделивые мысли подростка.

Внезапно в голову ему пришла ясная мысль. За шестнадцать лет короткой своей жизни Векша и вспомнить не мог случая, чтобы воля и желание его власть имели. Ощущал он и огромный камень, который взваливала на него Могильная Хозяйка: шпионить за каменными – значит, им вызов бросить. Ни у кого и никогда в людском роде после Великой войны и мысли такой не возникало. Когда-то князья пытались это сделать, и вот чем все закончилось. Трижды умершим Векшей.

Страшно стало ему. Но, кроме страха, почувствовал он в себе что-то яростное, злое, что только начинало жечь его изнутри. Это чувство было ему знакомо – оно рождалось перед дракой с другими мальчишками. Видишь лицо недруга, сжатые кулаки его и внимаешь насмешливым злым словам. А потом возгорается в тебе злость и, сквозь дрожь в коленях, не чуя себе, бьешь изо всех сил по ухмыляющейся роже. Чувство это было древним, зарожденным еще до первых предков Векши. Сильное и соблазнительное, оно требовало, чтобы кричали умирающие, горели вражки дома и выли от горя и бесчестия их жены.

Поддался Векша этому чувству. Понесло оно его, потащило. И стало ему все понятно и ясно. «Поживем еще» – подумал он. Он глубоко вздохнул и кивнул. Неуверенная улыбка появилась на его круглом, грубо слепленном лице.

Мора улыбнулась в ответ, продемонстрировав белые, без единой крапинки, зубы.

– Я и не сомневалась в тебе, Векшик. Порадовал, мальчик. Нынче же отправлю тебя туда, откуда ты ко мне явился.

Векша помялся, но, все же, спросил:

– А с чего мне начать, хозяйка? Куда деться? Я ведь один-одинешенек остался.

– Сначала из Черного. Леса уходи. Не на пнях же тебе штаны просиживать? А как выберешься, так и решишь, где осядешь, – сказала Могильная Хозяйка. – Я тебе в Ключень, к свергам тамошним советую идти. Не знаю, что ждет тебя, но чую – туда тебе надо. Впрочем, сам решай.

– А каменными меня не поймают? Их же в лесу, поди, видимо-невидимо, – спросил мальчик. Только о страшных альвах он и мог думать сейчас.

– Не бойся, Векшик, – сказала Мора. – Они думают, что от всех моих детей избавились. Искать тебя не будут. Да и в лесу их нет давно. Времени немало прошло.

– Как это – прошло? – удивился Векша загадочным словам Хозяйки. Ему казалось, что сидел он в мориной избушке никак не больше часа.

Мора подмигнула.

– Скоро сам узнаешь... Ну, что – готов в Удел вернуться, мальчик?

Векша вздохнул, веснушчатые кулаки сжал для уверенности и головой кивнул – мол, готов. Но не удержался, выпалил:

– Хозяйка, дай позволю спросить тебя!

Мора кивнула, весело глядя на смущенного подростка.

– Куда твои братья, Светлые Боги, подевались? – на одном дыхании выпалил Векша.

– Мне не ведомо, – промолвила богиня. – Пошли как-то на охоту да не вернулись. Если увидишь их, передай, чтобы домой возвращались. Ждет их сестра, волнуется. Так и передай, слышишь?

Векша кивнул. Мора поцеловала его в лоб ледяными губами, непослушный вихор пригладила и прошептала:

– А скатерть, что для тебя соткала, получишь вскоре. Передадут. Прощай, голубчик!

Векша давно уже к этой скатерке присматривался, а потому захотел спросить, когда и от кого он ее получит. Но не успел. Лицо Моря стремительно надвинулось на съжившего мальчика. Губы ее хищно изогнулись, и, вслед за тем, перед Векшей предстало огромное звездное небо. Звезды были над головой и под ногами. А потом он почувствовал, как в сердце стало жарко, и душа его устремилась в бесконечное падение.

Глава V

Над лесом вставало ленивое и жаркое летнее солнце. Воздух плыл хвойным маревом. Некоторое время Векша лежал с закрытыми глазами, ни о чем не думая и прислушиваясь к звукам внутри себя. Он немилосердно хотел есть. Голод, смешиваясь с пережитыми страхами и мучениями, буквально поглощал его изнутри. «Вроде блинов столько съел у Хозяйки, а голодный» – подумал Векша. Под ложечкой сосало. Но при всем при этом Векша чувствовал себя отлично. Мора постаралась на славу – тело снова было невредимым. Слегка побаливал глаз, в который поразила его хищная стрела, да ногу свело.

Он открыл глаза и сел на траву. От одежды, в которой умертвили его каменноликие, ничего не осталось. Очнулся в том, в чем мать родила. Гол, как сокол. Даже лаптей не было. «Могла бы в одежке оживить, а то ведь увидит кто – стыда не оберешься!» – сварливо подумал Векша, и тут же мысленно себя по языку ударил. Вздумал Хозяйку ругать? У него теперь, кроме нее, нет больше никого. Да и не увидит его, голыша, никто, кроме зверей лесных.

Сверху его всклокоченную макушку жарко прогревало солнце. Где-то долбил по дереву дятел. Спокойствие и тихая лесная радость царили в этих диких местах. Об альвах ничего не напоминало. Копыта их лошадей не оставили никаких следов: трава не была примята, сучья – не поломаны. В памяти Векши вновь всплыли ужасы последних суток. Лютые страдания от клыков золотых псов, жесткие пальцы безголового, тусклые и лишённые каких-либо чувств глаза каменноликих.

Колени толстяка затряслись. Он, кряхтя, встал на ноги, прошел пару шагов. Неожиданно, его вырвало желчью. Векша вытер грязный рот тыльной стороной ладони. Гортань была сухой и черствой, как береста. Векша почувствовал страшную жажду. «Ничего, до реки или ручья дойду – там и попою». Он сжал веснушчатые кулаки и двинулся вниз с холма в сторону чащи. Отсюда надо было уходить. Да и в голове у Векши царила кутерьма, от которой можно было избавиться, лишь найдя безопасное место, где можно тщательно поразмыслить.

Векша пробирался меж деревьев и вспоминал, как лежали они с Миланицей и Зоряном в кустарнике, прижимаясь друг к другу телами и тревожно прислушиваясь к ночным звукам. Об альвах они не думали, считая, что успели ускользнуть в общей суматохе гибнущей деревни. Ночной лес был голоден, и в воздухе висел тяжелый запах хищного зверья. Молчун Зорян угрюмо сжевал чудом завалявшуюся хлебную корку, а Милаша, откусив малюсенький кусок от яблока, протянула свою долю Векше. Вспоминая это, он почувствовал, как наливаются красным стыдным жаром его щеки. Он опустил голову и отряхнул колени, чтобы хоть как-то отогнать от себя воспоминания.

Углубившись в лес, Векша некоторое время шел по звериной тропе, пригнувшись, быстрым шагом, стараясь не шуметь и не оставлять слишком заметных следов. Лес нужно было уважить и не забывать, что ты в гостях. Толстяк вдруг понял, что впервые остался один в чаще так далеко от жилья. «Ох, боязно...» – подумал он. – «Надо б убежище до темноты отыскать».

Судя по солнцу, проглядывающему на него сквозь ветви деревьев, впереди у него был весь день, чтобы найти лежбище и заночевать. Векша поежился, почесал чумазое, урчащее от голода брюхо и, отодвинув в стороны злые лесные сучья, двинулся дальше. На дерево он не полезет больше ни за какие коврижки! «Ага, нет у меня больше к деревьям доверия» – подумал он и нахмурился. – «Толку от них никакого». Вспомнил, как подломилась ветка под задницей. Потом было падение, клыки, рычание, вонь из звериной пасти и жаркое дыхание пса. Подросток поежился.

Ха! Векша встал, как вкопанный, и изо всех сил хлопнул себя по лбу. «Дурень, ой, дурень!» – заорал он сам на себя, топнув босой ногой. Да так топнул, что вспугнул птичью мелочь на версту вокруг. И тут же сам себе зажал рот и упал на землю, прижав ухо к мшистому

лесному ковру. Он до дрожи боялся услышать дальний галоп, ржание лошадей и лай собак. Полежав некоторое время и настороженно вслушиваясь, Векша успокоился.

Он перевернулся на спину и впервые, за все время, ухмыльнулся. Ему не надо искать убежище в чаще. Ему надо найти обратный путь к своей деревне. Каменноликие ее сожгли, но жить там они не станут. Да и вряд ли нелюди оставили там часовых, раз думают, что всех поубивали. Пируют где-нибудь, в своем лагере и напиваются, празднуя вылазку против рядовичей.

«Авось не додумаются зарыть подвалы и холодняки» – подумал Векша. И верно: зачем это каменноликим, если все обитатели деревни мертвы?

«Черный Лес был создан богами прямо посередке Удела». Векша напряг память. «Как там дед Возгарь сказывал. Когда-то из кармана Волоса просыпались семена Первых деревьев, и проросли они в Лес, что покрыл собой сердце Удела». Толстяк хмыкнул и присел передохнуть на выступившие из земли могучие корни хворь-дерева. Задумчиво подобрал с земли сухой прутик и начал ковыряться им в палой сухой листве. Он шел уже несколько часов и подустал. «Посижу немного, передохну и дальше двинусь» – подумал он, прислонившись спиной к дереву.

Черный Лес простирался на тысячи верст. А вот что за ним? Векша знал лишь то, что на западе, за Чернолесьем, расстилалась огромным одеялом Великая Равнина. Где-то далеко на севере плескался холодными волнами Студеный океан, а на юге тянулись бескрайние степи вплоть до Крайних Песков. На востоке Лес упирался в непроходимые горы со скалами до небес, что именовались Большим Хребтом. Что было за этими горами, не знал никто. А может и знали когда-то, но забыли. До Войны.

Забираясь все глубже и глубже в Черный лес, люди строили и теряли поселения так быстро, что не успевали по-настоящему пустить корни. Альвы не давали передышку: их отряды, тихие и смертносные, преследовали и находили лесные убежища, истребляя всех – от мала до велика. Лишь раз в сто лет наступало затишье. Каменноликие предлагали «вечный мир», а люди его принимали. Из раза в раз надеялись остатки великих некогда человеческих родов, что на этом все закончится. Проходило десятилетие, и вновь без объявления войны, начинали альвы свое наступление.

Последний договор людей с каменноликими был заключен незадолго до рождения векшиного отца Крута. Гадали рядовичи: зачем остроухим вновь понадобилось мириться с последними человеческими племенами? Но, кто же их, древних и бессмертных, разберет? Людям воспрещалось добывать и обрабатывать железо, объединять деревни, строить крепости, выбирать вождей и селиться где-либо еще, кроме Черного леса. Долго держался этот последний договор. Уж и забывать о Войне начали. Осторожно, втихаря принялись добывать железо в горных лесистых районах и скупать оружие у жадных свергов, меняя на них последнее, доставшееся от предков. Ковали мечи и наконечники к стрелам и копьям, готовясь отступить еще дальше на восток – к Хребту.

Каменноликие нелюди были не единственной угрозой, сжимавшей человеческий род все уже и уже. Болезни и голод делали свое дело – люди вымирали, словно морские твари древности. Одна за другой пропадали деревни, словно и не было их. Все реже и реже приходили весточки от соседей – лютовичей. «Так и доконали нас» – угрюмо прошептал Векша и вздохнул. Надо было идти дальше.

К «собачьей поляне» он вышел через пару часов. Самому себе он не мог объяснить, как ему удалось найти это страшное место. Невидимая сила тянула толстяка туда, где он потерял свою сестру и собственную жизнь.

Первые странности он заметил сразу. Поляна была именно той самой, и Векша был в этом уверен. Но ни следов крови, ни останков Миланицы. И холодом обдало его изнутри, когда обнаружил он, что сук, который сломался под ним, по-прежнему уверенно торчал из толстого бурого ствола ясеня, как будто и не покидал своего природного места.

– Мать честна, – вслух сказал Векша и почесал затылок. Он еще раз внимательно осмотрел место своей смерти. Ошибки быть не могло – именно здесь псы загнали его на дерево. Однако поляна изменилась. По каемке ее прорастал молодой ольховник. Чертовщина... Векша поежился и, трижды плюнув через плечо, вновь углубился в лес. Теперь он знал, как добраться до своей деревни.

Пыхтя и сопя, стараясь не наступать голыми пятками на покрывавшие землю шишки, он продирался сквозь чащу. Эти места были ему привычны. Все чаще на его пути встречались знакомые прогалины да овраги. До деревни оставалось не так далеко. Шаги его убыстрялись, да и мечты о еде подгоняли. Брюхо урчало так, что звук от него заглушал скрип старых сосен, заселивших этот лес задолго до прихода рядовичей. Древние деревья заслоняли своими кронами солнце, и в чаще царил полумрак. Даже комары притихли. Всплыли вдруг пугающие мысли о безголовом. «А вдруг он там, за деревом? Притаился и ждет?» – испуганно подумал Векша и, на всякий случай, поднял с земли сук покрече. С ним он почувствовал себе увереннее.

Векша все шел и шел, а день клонился к вечеру. Лесные птицы постепенно умолкли, устраиваясь на ночевку в своих дуплах и гнездах. В кронах деревьев гулко зашумел ветер, становившийся ощутимо прохладным. Векша ежился от дыхания вечера, мечтая о том, что найдет в развалинах домов хоть какую-нибудь одежду. Он представил, как выглядит со стороны – голый и толстый парень посреди дикого леса. «Вот стыдобище» – подумал мальчик и покраснел. Он опасливо глянул под ноги: не наступить бы на острый корень или, чего хуже, разгулявшуюся к вечеру гадюку.

Где-то далеко-далеко протрубил лось, призывая к себе рогатых сородичей. Толстяк сглотнул слюну, вспомнив, как несколько недель назад охотники притащили в Лукичи огромную тушу лосихи. Векша бы многое отдал за духовитую похлебку из мяса лесного гиганта. Но в его теперешнем положении встреча с любым лесным зверем крупнее лисицы не предвещала ничего доброго.

Почти незаметная в сумерках, звериная тропка наконец уперлась в просвет между деревьями, и Векша вышел из леса к узкой речке. «А вот и Узла» – обрадовался он. – «Дошел». А затем затаил дыхание, зная, что ожидает его на другом берегу.

Там чернела его деревня. Точнее, то, что от нее осталось. Поваленный частокол в закатном свете открывал тоскливый вид на останки Лукичей. Непривычная для этого места тишина окутывала пространство. Деревня была мертва.

Еще недавно путника, вышедшего из леса к броду, встречали далекие голоса мужчин, перекликавшихся на сторожевых помостах, крики женщин, зовущих детей в дом, лай собак, мычание коров. Всюду горели вечерние факелы, отражаясь в неспешно бегущих потоках реки Узлы. Тогда здесь была жизнь. Здесь радовались и горевали. Рожали и умирали последние люди Удела. И за одну ночь поселение рядовичей превратилось лишь в воспоминание о живом и теплом месте. Теперь оно никого не ждало.

Векша не сразу решился подойти к броду. Некоторое время он опасливо вглядывался в темную громадину мертвого села, спрятавшись за стволом нависшей над водой ивы. Он дрожал – и не только от холода. Его сердце сильно колотилось от быстрой ходьбы и страха услышать голоса альвийских конников. Но тишина была мертвенной, а останки деревни – пустыми.

Векша некоторое время крепился, но не выдержал. Быстро семена, сбегал с пригорка и со всего размаха плюхнулся в прохладную от вечернего ветра реку. Встав на колени, он еще и еще зачерпывал и жадно глотал родную воду. Векша долго пил, а затем с фырканием плашмя погрузился в реку, счищая с себя грязь и пот жаркого летнего дня. Под водой было хорошо.

Ему захотелось стать рыбой, чтобы плыть и плыть себе, не поднимаясь на поверхность, вплоть до самого моря-океана.

Векша вынырнул, высморкался и, отфыркиваясь, встал с колен. И сразу же пожалел об этом – холодный вечерний ветерок мгновенно вогнал в озноб мокрую кожу. Зуб на зуб не попадал, да так, что на все окрестности стук разнесся. Съежившись, трясаясь от холода и стуча зубами, толстяк побрел через брод. От плещущейся в пустом желудке водицы стало веселее, однако есть хотелось немилосердно.

Глава VI

Тьма сгустилась неожиданно. Векша думал, что у него есть пара часов, чтобы пройти по селу, освещаемому последними лучами долгого летнего солнца. Однако было поздно, и ничего не оставалось, как забраться в ближайший дом и попытаться найти огниво, чтобы развести огонь. Можно было дойти до своей избы, но подросток живо представил, как наткнется в сумерках на порубленные тела родных – дяди Вторака и тетки Звяжинки. Нет, лучше ночь у соседей переждет.

Ступив ногой на берег, Векша, готовясь в любой момент дать деру, пристально всматривался в еле различимые во мраке навалившейся ночи очертания изб. Видеть он мог лишь те, что находились на самом краю поселка. Затем он шлепнул себя по щеке и прибил одинокого комара. В ночной тиши шлепок разнесся над водой.

Подскальзываясь на поваленных бревнах, Векша прошел через остатки частокола и вошел в деревню. Теперь, в почти кромешной темноте и тишине, освещаемой лишь тусклым лунным светом, Лукичи больше не казались ему безопасным убежищем. Здесь было страшно и тоскливо.

Издали донеслось уханье филина. Чернеющий за поблескивающей Узлой лес постепенно наполнялся ночными звуками, от которых у Векши похолодело в животе. Надо было искать место для ночевки.

«Если наступлю на мертвяка, сразу помру со страха. Их тут много должно лежать» – подумал Векша. От этой мысли его колени затряслись. Под ухом застрекотали цикады, отчего стало еще жутче. Млея от страха, Векша наощупь добрал до ближайшей избы. «Это дом Наровицы, Кущиной вдовы» – прошептал толстяк и оробел от звука собственного голоса.

Внезапно от пришедшей в голову догадки Векша остолбенел. Воня не было. «Нелюди все село порубали. Никого не оставили. Тут лежать все должны. А запаха мертвецкого нет!» От этого ему стало не по себе еще больше.

Нащупав дверь в избу и открыв ее, Векша осторожно засунул голову во мрак пустой хаты и принюхался. Ничего, только плесенью пованивало. Переступая порог, подумал Векша и о том, что в ночном сыром воздухе даже гари не чувствуется. «Чудеса какие... Надо будет утром пойти дядю с тетей похоронить с честью. Да и всех соседшек, кого найду» – пронеслось в голове. В полном мраке он со скрипом затворил дверь и, нащупав засов, опустил его. «Все, добрался!» – подумал он.

Ни зги не видно. Только в дальнем углу избы из небольшого окошка пробивался хилый лунный свет. У Кущи Векша бывал не раз, когда посылали его за медом, поэтому расположение предметов в горнице он знал хорошо. «По правую руку от меня столешница дубовая, дальше пройти – печь с очагом. Вот туда мне и надо».

Печке вдовьей вся деревня завидовала. Покойный Куща был справным мужиком. Все в его руках становилось ладным да полезным. Потому и печь он сделал особую – с очагом-камином. Все селяне ходили поглазеть на искусную работу. Говорили, что такую диковинку Куща у гномов в Ключене высмотрел.

Шажок за шажочком пробираясь к печи, Векша ощупывал пустоту, натываясь руками то на поверхность стола, то чувствуя под ладонью стену. «Мора, помилуй, не дай напороться на мертвяка. Наровица, миленькая, пусть тебя здесь не будет» – дрожал Векша. Ударился лбом о горшок, что висел на потолочном крюке, зашипелся и выругался. Все, вот и печка. «Теперь надо огниво раздобыть. Куда вдовица его запропастила?» Векша лихорадочно ощупывал предел печи. Чем дальше он находился в полной темноте, тем страшнее ему становилось. Сердце гулко стучало, а низ живота подозрительно сводило. Подкрадывалась паника.

Есть! Найти очаг было легко; в нем уже были сложены щепы. Пару раз лязгнув кремнем о кресало, мальчик радостно воскликнул. А вот и искра! Спустя несколько мгновений маленький огонек с тихим треском радостно набросился на пыльные щепки.

Горница тускло осветилась. Однако даже этого было достаточно, чтобы сердце перестало стучать, как молот о наковальню. Векша ощутил почти что счастье. Опустившись голой задницей прямо на пол, напротив весело разгорающегося огня, он подкинул пару чурок и протянул озябшие руки к пламени. Тепло обволакивало его, а от мокрой кожи пошел влажный пар. А Векша сидел, уткнув обвислое брюхо в колени, и глупо улыбался. Несмотря на голод и усталость, он впервые почувствовал себя в безопасности. Огонь стал его маленькой победой. Очаг немного дымил. Векша закашлялся: «Трубу давно не чистили». Пришлось приоткрыть оконце, чтобы впустить в избу прохладный ночной воздух.

Согревшись, Векша прошелся глазами по широкой кущиной горнице. Тела хозяйки не было. Видать, выбежала из избы на крики, и там сгинула. Векша с грустью подумал о доброй ясноглазой бабе, потерявшей мужа-бондаря много лет назад. К Кущике похаживал вдовец по имени Быша, но никто и слово против не говорил. Рядовичей оставалось совсем мало, и распри между ними остались в далеком прошлом. Времена были тяжелые, и даже глуповатый Векша понимал, что нет небогатым людям радости от бабьих сплетен и раздоров. А недавно Быша и вовсе позвал Наровицу замуж. А та только рада была – согласилась сразу. К свадьбе все было готово. Селяне радовались каждому поводу. Будет свадьба – будут детишки. А потом пришла та ночь и привела за собой нелюдей...

В дрожащем свете очага мальчик начал поиски съестного. Пошарил по полкам – тщетно. Только руками развел: прошло несколько суток, а в избе было шаром-покати. Да и грязно, словно давно не убирались. Стол, лавки, здоровенный кованный, сверговой работы сундук – все было покрыто толстым слоем пыли. От двери к печке тянулись семенящие векшины следы, отпечатавшиеся на пыльном ковре дощатого пола. Векша еще раз подивился запущенности дома: «Кущика была бабой чистоплотной. Все в порядке держала. Откуда грязи столько?» В пыли были даже миски и кружки на высокой полке. Здесь царили затхлость и духота. Оставалось одно – лезть в подвал, где должны были ждать Векшу бочонки с медом и моченой репой, мешки с мукой да и все остальное съестное.

И там вновь ждал его полный мрак, да вдобавок – холодный пол, по которому придется ступать босыми пятками. Можно было дожждаться утра, но голод уже, не стесняясь, грыз его утробу. «Если не пожру, заснуть не смогу» – уговаривал себя Векша, поглаживая стонущее от голодухи пузо. Затем решил: нахмурился, поежился и, скрепя сердце, схватился за кольцо, торчащее из пола. С трудом приподнял тяжелую деревянную створку. Из подвала пахло холодом и такой мерзкой вонью, что даже пустой желудок Векши взбунтовался. Пахло так, как будто в подполе что-то давно умерло и разложилось. Неужто все испортилось за несколько дней? Но как? Векша помотал головой, вздохнул и, зажегши лучину, полез в подвал.

Словно в зимнюю воду, спускался он по скрипучей лестнице. Тьма, вонь и холод встретили его. Лучина еле-еле освещала расстояние в три шага, поскрипывая и пощелкивая. Векша попытался задержать дыхание и шагнул к ближайшей бочке, которую высветила из мрака лучина. Бочонок был наглухо забит, но судя по липкому загустению на крышке, там хранился мед.

Нервно и быстро сбил Векша крышку лежащей рядом шпонкой и погрузил сразу обе руки в затвердевшую массу. Бродильный, приторный запах окутал его. Голова закружилась, а в животе радостно запело. Набив обе щеки сладким и терпким медом, Векша даже глаза закрыл и радостно замычал. Для порядка немного пожевал и проглотил. Пустое брюхо с недоверием восприняло такое необычное подношение, но, покочевряжившись, все-таки усвоило неожиданный подарок. «Век бы так жрать!» – подумалось толстяку. – «Еще бы на краюху намазать».

Некоторое время Векша, чавкая и отдуваясь, поедал приторное месиво. Наконец, почувствовав великое пресыщение, оторвался от бочонка и вытер заляпанную сладким рожу. «Надо бы еще чего поискать – подвал-то немалый» – мальчик задумчиво вытер липкие ладони прямо о бочку. – Ай, да ну – до утра подожду. Поел, теперь и спать пора». Организм радостно поддержал эту идею. Глаза его слипались, а ноги, смертельно уставшие после долгого лесного перехода, сами понесли Векшу к лестнице. Хватая липкими пальцами деревянную перекладину, мальчик вылез из подвала и хлопнул за собой тяжеленную крышку. Прошел пару шагов, потом вернулся и боязливо надвинул тяжеленный кованый сундук сверху на люк. Мало ли что...

Держа в левой руке почти потухшую лучину, Векша нашел глазами вдовью спальную лавку и, зевнув, залег на нее. Укрывшись подвернувшейся пыльной шкурой, чихнул и зажмурил глаза под ласковыми всполохами огня в очаге. Сон сразу же навалился и мягко обволок его. Подросток стремительно проваливался в блаженное забытие.

Где-то за рекой немного поухал и затих филин. И вот уже мгновение спустя в темной и пыльной избе, под еле слышный треск тлеющих в печи поленьев, блаженно вытянув грязные мозолистые пятки, крепко спал юный Векша. Его тело полностью расслабилось и начало набираться силой перед завтрашним днем.

Лес за рекой вздыхал полуночными звуками, в которых не было ничего привычного человеческого уху. Сонно шумели листьями деревья. На край покосившейся крыши, хлопоча мягкими крылами, уселся давешний седой филин. Повертел головой, погукал и полетел по своим делам – полевков да землероек ловить. А Векша спал и во сне почесывал голое пузо, зудящее от пыльной колкой шкуры.

Дождливый день пришел в деревню вместе с галдежом лесных птиц. Солнце изредка проглядывало сквозь свинцовые облака. В один из таких моментов сквозь оконце куцихиной избы блеклый солнечный зайчик ворвался в темную горницу и остановил свое движение сначала на лбе, а потом на подбородке Векши. Толстяк беззаботно развалился на скамье и дрых без задних ног под стук капель по крыше. Дрожащий лучик снова переместился и нахально уселся прямо на нос нашего героя. Нос Векши начал медленно, но верно нагреваться.

Некоторое время ничего не происходило. Векша все так же довольно сопел и даже попытался спрятать размякшее лицо от назойливого раздражителя, накрывшись шкурой. Однако лучик добился своего: повозившись, толстяк открыл сначала один, а затем и второй глаз.

Некоторое время Векша лежал, зевал, вздыхал и почесывался, ни о чем особенном не думая. Затем, кряхтя, уселся и уставился мутными от сна глазами на оберег-ладинец, висевший на противоположной стене. «Пить охота. Дойду-ка до колодезя. Потом можно и делами заняться» – лениво подумал Векша. С наслаждением потянувшись, он встал со скамьи и пошел на выход из избы, чуть прихрамывая на затекшую ото сна ногу.

Широко распахнув скрипящую дверь, Векша зажмурился, хотя солнце и не показывалось. Утренний туман у реки уже рассеялся, но воздух оплывал влагой. Крапал дождик. Поежился Векша, завернулся в прихваченную с лавки шкуру и окинул взглядом открывшуюся перед ним картину.

Мертвая деревня предстала перед ним в полной красе. Некоторые избы выглядели нетронутыми, но за ними, ближе к центру Лукичей, начиналась разруха. Одни лишь грязные печи да полуистлевшие от огня бревна. Альвы постарались на славу. Пожгли срединное место – там, где стояли Священный столб и Требница. Но дома, стоявшие поодаль, пламя пощадило. Только стены опалило.

Ближайшая изба закрывала Векше вид на его дом. Чуть поколебавшись, мальчик двинулся к родному месту. Пити ему расхотелось. Вид погибшего села при дневном свете пугал по-своему, хотя и не так, как ночью.

Прошел Векша несколько шагов и растерянно остановился. Не было вокруг мертвецов. Вообще никаких – ни людей, ни животных, ни каменноликих. Но как? Помнил он, что в ночь нападения земля была залита кровью и повсюду корчились умирающие. Даже стены изб были окрававлены, влажно блестя в сполохах факелов. Лежали повсюду отрубленные головы, руки и ноги. Полз, таща за собой длинную ленту собственных кишок, мычащий от ужаса молодой мужик, а над ним стоял замахнувшийся для добивающего удара нелюдь. Чуть поодаль сутулый каменноликий тащил по земле визжащую бабу, а за ними бежал, плача и размахивая ручками, зареванный ребенок. С диким и неистовым от боли воплем бились о стены домов и топтали друг друга и людей горящие животные – коровы да лошади. Кровь была повсюду. Казалось, нет того дождя, что сможет когда-нибудь смыть ее со стен домов и травы. А сейчас и следа от той бойни не осталось.

Лукичи выглядели так, будто годы прошли с ночной резни. Мрачно стояли отполированные солнцем и дождем до блеска и чистоты срубы с просевшей крышей. Зеленая и омытая росой трава доставала до колена – и это посреди села! Ни скелетов животных, ни людских останков.

Приздумался Векша. Неужто забрали альвы мертвых людей и животных? А вот зачем – о том думать ему совсем не хотелось. Он вообще старался не вспоминать о последних днях. «Каких дней, дурень?» – подумал Векша. – Тут уж точно не один день прошел. Да и не месяц. Выходит, я у Могильной Хозяйки не меньше года прогостил? Чудеса...»

В хате Кущихи пыль скопилась, да трава с бурьяном прямо на крыше проросли. Деревня погибла несколько суток назад, а лес уже прибрал ее к себе. Между домами прорастали молодые побеги деревьев; огороды, так же как и селянская тропинка, заросли буйной травой. И, главное – ни трупов, ни крови. «Это что ж выходит? – задавался вопросами Векша, аккуратно переступая через вросшее в землю колесо. – Давно все произошло? Но было ведь недавно. Сколько меня не было? Мора, подскажи мне, неразумному». Однако Мора не явилась и не ответила.

Годы... Сначала испугался этой догадки, однако, поразмыслив, обрадовался. Получается, что каменноликие давно ушли из этих мест. И верно – чего они здесь забыли? У них свои земли есть, где они живут богато и никого к себе не пускают.

Пробираясь сквозь высокую траву и тонкие деревца поплелся толстяк к родной избе, где жил он с сестрой да приютившими их дядей с теткой. Двор здесь был особенно заросшим: даже дикая малина успела прижиться, а прямо у входа в дом пробивалась из земли молодая береза.

Трава шевелилась под прохладным утренним ветерком. Дождик накрапывал, а изба стояла перед ним обожженная, с выломанными дверями. Крыша провалилась, отчего некогда крепкий и большой дом выглядел совсем жалким. У подростка задрожали губы и защекотало в глазах, когда увидел он лежащее на пороге избы разбитое девичье зеркальце. Снова промелькнула перед глазами страшная смерть сестры; вспомнил, как кричала она, билась в кровавой пыли и звала на помощь. Миланица была красивой и веселой девушкой. Теперь ее не было, а скормившие ее собакам альвы – живы.

Векша подошел к родному порогу, уселся на него и заплакал. Рыдал он в голос, долго всхлипывая, размазывая слезы и сопли по испачканным медом, землей и золой щекам. Всем сердцем ощущал он свою слабость и одиночество. Совсем один остался. Не было больше никого. И никогда не будет. Прочувствовав это, Векша зажмурился изо всех сил и злобно-неистово заорал в полную мочь что-то нечленораздельное.

Ненависть поглотила его полностью. Окунувшись в море обиды, юный рядович внезапно почувствовал пугающее удовольствие. Никогда доселе не чувствовал он такой лютой и вольной

злости, от которой обострились чувства и прояснилась голова. И вот тогда зареванный Векша почувствовал себя не слабым толстяком, сидящим гольшом, завернувшись в шкуру, на пороге разрушенной избы, а молодым и великим Зверем, впереди которого ждала охота. Векша был очень юн, но в душе его жарко загудело желание отомстить всему Уделу за то, что сотворили каменноликие с ним и его деревней. И тут понял мальчик, что не будет ему покоя, пока сполна не насытится этот Зверь.

Вскоре он успокоился и, вытерев мокрые глаза ладонями, медленно вошел в дом.

Спустя полчаса Векша вышел из избы в обновленном виде. Нацепил на себя дырявую рубаху и ветхие штаны, что нашел в опутанном паутиной сундуке, да повязал все это сверху крепким поясом. Еще и кухонный нож за пояс заткнул. Ржавое, но, какое-никакое, оружие.

И пошел Векша рыскать по селу в поисках полезностей. А дождь все моросил и моросил.

Глава VII

Побродив по заброшенным домам и собрав, все что можно, в два мешка, Векша вновь вернулся в дом КуЩИХИ. Были во вдовьей избе два преимущества – крепкая дверь с засовом да бочки с медом в подполе. А другого Векше и не требовалось.

«Вот ведь чудеса, – думал он. – Сколько времени прошло, а для меня день пролетел. Так и ошалеть можно». В одном из домов прямо посреди горницы нашел он огромный муравейник, а из другого выскочила навстречу рыжей молнией мелкая лисица. Векша уже ни капли не сомневался, что с момента его гибели до возвращения прошло много времени. Год, два... Размышлять об этом было интересно, но мучительно, ибо слабый ум мальчика терялся перед такими загадками.

Часть домов сгорела во время нападения, однако многим избам повезло. Они оказались целыми, разве что плесенью стены покрыло и мхом дощатый пол зарос. Пустые и мертвые стояли дома, подставляя дождю обгорелые стены-бока. На крышах беззаботно прорастали деревца да целые кустарники.

Альвы, вдоволь наохотившись на людей, вернулись в свои далекие земли, и теперь лишь лесное зверье да голод угрожали Векше. Подумав об этом, мальчик повеселел. «Ничего, поест раздобуду, а от зверья отобьюсь или спрячусь. Главное, что нелюдь про меня не ведает».

А вот что ему дальше делать? Векша не знал. Понимал только, что предстоит впереди долгая дорога через Черный лес. «Авось что-нибудь придумаю» – отмахнулся Векша от сомнений, словно от назойливой навозной мухи. Усевшись на скамью в горнице куЩИХИНОГО дома, он высыпал на пол все, что смог отыскать. Находок было немного: старая дядкина шапка, крепкие охотничьи сапоги, заплатанная рубаха, суконные штаны, заплечная сумка, посох дорожный, с резными узорами, да фляга для воды. Ничего больше не отыскал Векша: ни в избах, ни на заросших дикой травой дворах. Даже инструменты и кухонная утварь пропала. Начиная от лопат, топоров и вил до ножей и ложек – все бесследно исчезло. Про оружие и говорить-то нечего. Видать, прошлись альвы по домам, забирая все, что под руку попадет. «Ложки им зачем сдались?» – дивился Векша. – «И платья бабские. Ни в жисть не поверю, чтобы бабы их платья за нашими стали донашивать». Пожал плечами мальчик, недоумевая. Диво дивное...

Небогатым народом были рядовичи. Водилось когда-то и у них золотишко. Читали и ценили доставшиеся от предков книги. Но потом все ушло. Отдали свергам на торжищах за железо и ткани. Ничего не осталось, и только старики что-то изредка вспоминали да молодым рассказывали.

Самое ценное Векша извлек из-за пазухи под конец. Это был небольшой кошель с родовой вышивкой, который достал он из подпола в доме дяди Вторака. Тщательно искал мальчик монеты по домам своих соседей и родичей, но улов был совсем малый. Несколько медных сверговых грошиков да одна древняя серебряная гривна уличей, найденная среди развалин избы старейшины Премысла. Именно ее Векша и извлек из кошель и положил на стол.

Подросток долго рассматривал ее, положив голову на руки. От стола пахло старой ссохшейся древесиной. Векша ни о чем особенном не думал, вглядываясь в изображение конного витязя, выгравированного на лицевой стороне монеты. Воин выглядел грозно: могучая фигура на вздыбленном коне заносила меч. Многие сотни лет назад чеканили рядовичи свои золотые и серебряные монеты. Была могучей человеческая раса, торговавшая и воевавшая со своими соседями – свергами и уруками. Жили в крепких каменных городах, плавали на огромных ладьях, а ремеслом и искусством славились по всему Уделу. Из тех великих времен пришла эта монета. И только она от них и осталась. Сгинуло все и по рукам нелюдей разошлось.

Замечтавшийся Векша представил себя витязем из древности. Вот он на гнедом коне, в броне и шлеме несется во главе верной дружины на разбегающихся в ужасе каменноликих.

Рраз... и сносит голову ближайшему врагу. Катается по земле ненавистный остроухий нелюдь, поливая землю из уродливой раны струями грязной своей крови. Врывается Векша в неприятельский стан, рубя направо и налево, не жалея никого, и особенно – распрекрасных каменноликих дев. «Да, бабы у них – те еще... Как та, что с крыши стрелы в нас пуляла» – мрачно подумал Векша. Кулаки его непроизвольно сжались. Мечты – мечтами, да только где дружину взять? Не из кого: нет ни мужей, ни дев, ни старых, ни малых. Никого. Он один остался.

Предстоящая дорога занимала все мысли Векши. Мальчик знал, что еды в мертвой деревне нет и не сыскать; на кущихином меде и диких ягодах ему не протянуть. На дворе стояло лето («Что за месяц? До осени долго ли?»), и до первых холодов была целая вечность, но было ясно, что одному ему придется туго. Векша умел находить в лесу ягоды, грибы да коренья, но питаться этим долго было нельзя. Рыбу ловить? Силки на зайцев ставить? Нет, на зиму запасов он не соберет. Правильно сказала Могильная Хозяйка – надо ему из леса уходить. Здесь он не выживет.

Почесал в затылке Векша и стал вспоминать, что о дальних землях он знает.

Земли каменноликих. Вот уж куда точно не стоило соваться. Лежащие на юго-западе территории, покрытые непроходимыми лесами да быстрыми речками, а главное – границей, миновать которую не мог ни человек, ни сверг, ни урук. Земли, о которых никто толком и не знал, ибо никого туда, кроме самих альвов, не пускали. Оттуда пришла погибель, а потому те места надо избегать. Векша снова почувствовал, как к животу подступает ставший привычным холодок. Злоба вновь стала пробуждаться, однако усилием воли подросток погасил зарождавшееся чувство. Надо было думать о насущном, пока зубы на полку не сложил. Нахмурившись и снова почесав затылок, Векша задумался, рассеянно катая по столу монету.

Страна Уруков. Легендарные и свирепые нелюди населяли развалины древних городов на Юге от Великой Равнины. Полузвери, меньшие из которых, по слухам, были ростом в сажень. Дед рассказывал, что обделили боги уруков умом, однако силой померяться с ними в Уделе было некому. К урукам вела дорога любого, кто желал захватить новое или отвоевать старое, ибо жили они наемничеством, а сеяли и пахали для них рабы. Говорили, что жадные сверги нередко предпочитали нанимать их для охраны своих богатств или отправлять в походы против соседей. А в древности словенские князья и сами не брезговали пользоваться звероподобников в племенных междоусобицах. И тогда приходили к стенам городов тысячи рычащих тварей, закованных в грубые железные латы. Пробивали ворота огромными таранами, и горе приходило к тем осажденным, кто не успевал сбежать. Маленьким Векша любил истории о войнах-уруках. Вместе с другими детьми вечерами слушал он повести о злобе и силе этих существ. Одно то, что жрали трупы врагов, чего стоило... Векша содрогнулся. Нет, в земли этих нелюдей ему хода тоже нет. Еще повезет, если попадет в рабство. А не повезет, так сожрут и косточек не оставят. Даже помыслить о дороге туда было страшно.

Оставались вольные города свергов. Жадные, расчетливые, склонные к предательству, но при этом богатые и знающие толк в ремеслах и рудном деле. Малорослые плечистые бородачи – любители выпивки и золота, ведущие свои родовые колена от древних жителей подгорных поселений Большой Западной гряды. Теперь же процветающие на Великой Равнине, принадлежавшей когда-то человеческому роду. В тех самых городах, которые построили столетия назад предки Векши.

Теснимые каменноликими, человеческие племена отступали все дальше и дальше на восток, в леса, теряя свои города и селения, оставляя за собой развалины и выжженные поля. А в их опустевшие города неспеша вселялись гномы, заново обустроивая и обживая обезлюдившие места. И вот снова пылали городские жаровни, стучали молоты, шум заполнял вновь ожившие улицы. Но уже не люди, а сверги продолжали в них свой род. Исполняя свое соглашение с альвами и получая от них награду за предательство. Векша сплюнул, подражая своему покойному дяде. Так становились людские города Ключень, Бугрень и Деренов гномьими Нок-

кельбором, Иренгардом и Тренбором. А в древней и легендарной столице словенских родов Лабуже, что именовался теперь Канверлодом, заседал сверговый совет, что разбирал споры между гномьими племенами. «Горные и равнинные сверги вошли в силу на костях мира, принадлежавшего когда-то нам, людям» – часто говорил волхв Нешата во время требных дел.

Векша вдруг вспомнил, как проследился однажды дед Возгарь, рассказывая сказку о городе, который дал жизнь его предкам. Ключень. То был последний форпост перед великим Черным лесом. На необъятных степных полях паслись стада и собирались богатые урожаи. Теперь там жили сверги.

Люди торговали со свергами, даже после того, как с боями отступили всем миром в Чернолесье. Торгаши-сверги скупали у ослабленных соседей остатки былых богатств – серебряную да золотую утварь, легендарное древнее оружие, скот и книги. Словенские племена платили любую цену, ибо без торговли с жадными гномами жить было нельзя. Ткани, железо, уголь, соль и многое иное можно было выменять только на свайных рынках больших рек.

На гномьи торжища родные никогда не брали Векшу с собой, и потому не видывал он свергов вживую. А вот Миланица ездила и по возвращению жаловалась на готовых задушить за копейку коротконогих жадин. «И тут ко мне один такой красномордый подходит и начинает за зад хватать. Ржет и приговаривает «Я тебе конфет дам, а ты мой корешок приголубь!» – возмущенная сестрица даже поперхнулась от негодования. – «Ну, вот я и приголубила... Прямо по корешку колотушкой двинула!»

Векша вздохнул. Получалось, что только к свергам, в город Ключень, именуемый теперь по-сверговски Ноккельбор, вела его дорога. Ближе городов не было. Да и Мора туда советовала податься. Что ждет его там и как обустроится он в чужом месте, подросток и представить не мог. Толстяк подумал-подумал да и решил про себя: «Авось как-нибудь протяну. Работать умею – батраком наймусь».

Однако сомнения роились в его голове. И не только потому, что работник из Векши был такой, что родня только руками разводила – такого неумеху неуклюжего свет еще не видывал. А вот что будет, если сверги его возьмут в цепи да каменноликим отдадут? Чего им вдруг Векшу жалеть и привечать? «Вот я губу раскатал – работать устройсь. Не получится у меня. Каменноликие в города гномьи навевывались. Да и сейчас кто-нибудь там обретается. А вдруг я им на глаза попадусь? Враз прибьют. Или опять безголовому отдадут». Он вздрогнул, вспомнив жуткое создание.

Тревожно было на душе Векши. «Ладно» – решил он. – «Из Леса выйду, а там уже решу, что делать. Вдруг по дороге что-нибудь придумается?». Кивнул он сам себе и пошел к ночи готовиться. Сходил сначала в подвал – меда набрать в плошку. Перекусил и вышел во двор до ветру, после чего поколол поленья для печки. Но мысли о предстоящей дороге не покидали его.

Идти по Лесу к Великой Равнине придется не одну неделю. От жажды он не умрет. Если, конечно, двинется вдоль Узлы-речушки, что впадала в полноводную Плескаву.

Мать-река Плескава тянулась сквозь Черный Лес, то сужаясь ручьем, то раздвигая свои берега. В прежние времена плавали по ней (а когда надо – волоком шли) большие и малые челны – купцов с товарами развозили. Теперь опустела и обезлюдела Плескава. Но Векша знал, что если пойдет по ее берегу, то доберется до самого торжища Флузарм. А там легче станет: от фактории шла торная и оживленная лесная дорога прямо к городу Ключеню. Или, по-сверговски, Ноккельбору.

Векша уселся на пол у печки и принялся складывать щепу в горку. Что он жрать будет в пути? Ловить рыбу? Удочку он сделает, умеет. Собирать грибы-ягоды? Можно. Но на ягодах долго не протянешь. Охотиться? Охотник из Векши был прямо-таки плохой: ни глазомером, ни терпением он не отличался. Даже дядя махнул на него рукой и брал с собой в лес только сына своего Зоряна. Медом запастись? «Яблоко диких нарву да меда побольше возьму – неделю

продержусь. А там уж в лесу что-нибудь раздобуду» – подумал мальчик, однако в глубине души уверенности он не чувствовал. Другого выхода не было, хотя уже сейчас Векша боялся того, что таких запасов и на два дня не хватит. Но выбирать не приходилось. Да и откладывать свой уход из разоренной деревни тоже не стоило.

Тяжело было на душе и беспокойно. Надо было уходить. «Авось раздобуду, что пожрать» – решил он, почесав затылок. – «Не зима же»

Тем временем, вечерело. Солнце медленно закатывалось за верхушки сосен за рекой.

Утром в дорогу. Окончательно и бесповоротно решившись, Векша еще раз оглядел свое скудное добро, разложенное на столе. Пригорюнился даже – мало всего набрал. Отсутствие теплой одежды его не волновало: шкуру с вдовьей лавки прихватит. Векша нервно облизнул губы, запихивая свои запасы в крепкий дорожный мешок. Котомка немного прохудилась от времени, но дорогу выдержит. Толстяк закрыл глаза и глубоко задумался. «Река – это путь. Как пойду в закатную сторону вдоль воды, так и выйду к Плескаве. А там, авось, встречу кого из свергов, дорогу дальше спрошу».

Мальчик тяжело вздохнул. Уж больно не хотелось ему пешком всю дорогу через Лес топать. И ночевать в чаще придется. А там волки, кошки да медведи. «Эх, лодочку бы да по речке поплыть» – подумал он. Однако грезить об этом было бесполезно. Днем обыскал Векша берег Узлы. Ни одной плоскодонки не нашел. Но ведь много их было у рядовичей. Неужто и лодки нелюди забрали?

Собрался, наконец, Векша. Держа в руке тяжелую и холодную от речной воды флягу, смотрел на горящие в очаге поленья и ни о чем особом не думал. И боязно от предстоящей дороги было ему, и весело. Вдруг пришло в голову, что за всю жизнь видел он лишь Лукичи да, когда совсем маленький был, соседнюю деревню – Зольники. В гости к соседям ходили всей деревней. Урожайный праздник отмечали. Народа было... Ничем таким Зольники не отличались от Лукичей, разве что речка другая вдоль частокола вилась. «Видать, остроухие их раньше нас спалили» – подумал Векша. Стало ему грустно, когда вспомнил он веселых и хмельных зольчан-соседей.

Мысли в векшиной голове плыли неспеша и мерно. Потрескивали дрова в печи да ночные сверчки стрекотали. Поэтому не сразу обратил Векша внимание на то, что к ночным звукам примешивалось и кое-что другое.

Тихий-претихий свист родился в черноте за окном. Векша похолодел: «Птица ночная? Что-то не припомню я таких свистунов». Звук пропал. Затем возник вновь – уже громче, из противоположной стороны. Переместился наверх. Что-то, скрежеща когтями, стремительно пронеслось по гнилой крыше. А свист все плыл и плыл, затягивая в себе другие звуки. Долгий, бесконечно долгий, выдюжить который не хватило бы силы легких самых здоровых мужиков.

«Да что же это?» – Толстяк почувствовал, как внутри него все похолодело. – «Что это?» Потная ладонь сжала рукоять ножа; подросток почувствовал, как кровь толчками бьет по вискам. Страх со знакомой уже силой сковал ноги и пополз вверх, к копчику. Поленья в очаге прогорели, и нужно было подбросить еще, но сжавшийся в комок мальчик не двинулся с места. Свист внезапно затих. Наступила кромешная тишина. А за ней пришли наружные шорохи – одновременно, со всех сторон.

«Они вокруг избы кружат» – догадался Векша. И, чуя, как ходуном ходят колени, медленно, стараясь не издать даже скрипа, сполз на пол. Оторопело, дрожа и икая от ужаса, пополз задом в угол. Прижался к стене и выставил вперед нож. «Мора, Мора, ты обещала помогать, Мора!» – зашелестел толстяк тихо-тихо.

А потом из окна пришел запах. Векшу вывернуло на пол; он быстро зажал рот и нос ладонями, чтобы не вдыхать вонь гниения и дерьма. Тягучая волна смрада затопила горницу.

Оно не торопилось. Дождавшись, когда последний язычок пламени в печи вспыхнул и потух, нечто подобралось к окну и вцепилось в него обеими лапами. Недвижимый, застывший, словно камень, Векша, притих в темном углу и растерянно наблюдал, как в свете луны в дом вползало непредставимое. Сначала в проеме показались блестящие когти в полвершка и выдавили слюду. Та со звоном и грохотом упала на пол. Затем возникли длинные, совсем непохожие на человеческие, руки, вывернутые под ненормальным углом – локтями в обратную сторону. А потом, вслед за своими конечностями, в кушихин дом вполз Страх. Он спрыгнул на пол и устался на Векшу, упершись птичьими ногами (точь-в-точь – куриными) в пол. Один из угольков печных вдруг щелкнул и вспыхнул, на мгновение ярко осветив существо. От вида его Векше поплохело так, что он только и смог, что протяжно заскулить от страха.

Оно было уродливым и нелепым. Не животное, не насекомое, не птица. Размером с кабана, широкое и жирное, поросшее темной шерстью, влажно поблескивающей в дрожащем полумраке горницы.

Но хуже всего была голова, покоящаяся на массивной шее. Точнее, лицо. Человеческое. Женское. Векша просто закрыл глаза и накрыл голову руками, ибо понял, что пришло в дом. Ему настал конец, и сомнений в этом не было. И лишь об одном он сейчас мечтал: умереть раньше, чем Кикимора начнет его жрать.

Мгновения каплями просачивались сквозь гробовую тишину. Векша с закрытыми глазами, мучительно стиснув зубы, изо всех сил вжался спиной в стену, ожидая страшного и губительного удара когтистой лапой. «Так и не смог узнать, что за дар мне Мора приготовила» – промелькнула нечаянная мысль и сразу потонула во всепоглощающем ужасе.

По крыше забарабанил дождь. Забывшийся в угол избы Векша не дышал и все ждал, что его сейчас будут рвать на части. Но ничего не происходило. Наконец, Векша решился: осторожно перевел дух и чуть приоткрыл левый глаз. Судорожно сглотнул слюну.

Сидевшая перед ним тварь из дедовых сказок была неподвижна. Она казалась темной и бесформенной, и лишь верхняя часть ее была чуть освещена подрагивающими углями. К слову, лицо страхолюти Векша сразу признал. Ямочки на щеках, румянец, полные губы и чуть заломленная бровь. Наровица, прозываемая Кушихой. «Добралась страхолють проклятая до покойницы и лицо ее себе забрала» – тоскливо подумал мальчик. – «А теперь за моим пришла. Только бы не смотреть ей в глаза».

Кикимора не нападала. За ее спиной послышался скрежет когтей, и в дом влезла еще одна. «Быша» – признал Векша, с ужасом вглядываясь в лицо твари. По крыше еще сильнее застучал дождь. С Кикиморы, что была видом как кушихин ухажер, сразу натекла лужа воды. Обе страхолюти смирно сидели рядышком, словно жених с невестой, расставив невероятной длины лапы, и смотрели на Векшу. Векша, в свою очередь, со страхом устался на страхолють.

«Почему они не едят меня?» Он медленно, стараясь не делать резких движений, подобрал с пола нож. Кикимора с лицом Кушихи неожиданно разомкнула свои красивые, пухлые губы и тягуче-томно вздохнула. Вслед за тем, подалась вперед и плавно двинулась к Векше. Женское лицо было покрыто белилами и румянами, словно тварь незадолго до того взаправду сидела перед зеркалом и наводила красоту. «А глаза-то без зрачков у нее» – содрогнулся мальчик, не удержавшись и глянув в очи Кикиморы.

Тварь остановилась в шаге от Векши. Смрад от жуткого существа стал почти невыносим. Подросток сглотнул, стараясь не дышать носом. Он чувствовал, как по его спине, не переставая, текли ручьи липкого пота.

Страхолють еще раз вздохнула; затем, ловко подобрав конечности, вытянула одну из вывернутых рук вперед. К ужасу и изумлению Векши, мягко дотронулась когтем до колена

мальчика. Векша задрожал от омерзения и отодвинулся. Вторая кикимора по-прежнему сидела у окна и смиренно наблюдала за происходящим.

Вторую свою лапу кикимора ловко закинула за спину, со скрежетом провернув сустав. Еще миг... и почти человеческая ладонь с невероятной длины когтями аккуратно выложила на пол перед Векшей какой-то предмет. Стараясь не смотреть туда, где находились мертвые женские глаза, толстяк осторожно протянул руку и нащупал нечто мягкое. Ткань? Кикимора неотрывно глядела прямо на него, начав мерно раскачиваться на нелепых куриных лапах.

Векша опустил глаза. Перед ним лежал сверток, аккуратно перевязанный тоненькой бечевкой. Взял его в руки, развязал непослушными пальцами простой узел и развернул. То была аккуратно свернутая скатерть. В нечетком свете раскаленных печных углей разглядел он неясные рисунки. Векша ни секунды не сомневался в том, где видел эту искусную вышивку в последний раз. «Это морина работа» – зачарованно прошептал мальчик. – «Это она мне скатерку так передала, значит».

Мальчик поднял глаза. Горница была пуста. Кикиморы исчезли. Лишь вонь и мокрые следы на полу напоминали о страшных ночных гостях.

– Благодарю тебя, Хозяйка! – сказал Векша. И в том же миг где-то за рекой громко и страшно закричало какое-то ночное животное.

Лицо Наровицы и Быши, приспособленное кикиморами вместо собственных морд, все еще стояли в его глазах. Однако дрожь прошла. А вместо нее нахлынуло на Векшу лихорадочное веселье. «Не сожрали меня твари. Живой буду! Даже страхолють проклятая знает, что волю Могильной Хозяйки выполняю! И никто меня теперь не тронет!» – лихорадочно и возбужденно повторял он про себя. А затем радостно топнул по полу и приосанился.

Мгновение... и толстяк уже радостно отплясывал по темной горнице, задорно стуча пятками по гулкому деревянному полу. Над головой размахивал он сорванной рубахой. Дико и счастливо принялся Векша распевать песню-считалочку «Мора, Морана», знакомую всем рядовичам с детства.

Гой, Мать Мора!

Вей, Мора Мать!

Покачай нас, Мора Мать!

Провожай нас, Мора Мать!

Скакал он и орал до тех пор, пока не запрыгнул в лужицу дождевой воды, оставленной Кикиморами. Подскользнулся, ахнул и растянулся на полу. Однако боль от ушиба не могла заглушить биение жизни, которое поглощало его.

Сказка о Кикиморе

Дед Возгарь принял от дочери тарелку с пустыми щами и, не торопясь, смакуя каждую ложку, начал поедать благоухающее варево. Дети сидели рядочком на прогретых за день досках пола и терпеливо ждали, пока старик доест. Вели себя тихо: кому захочется, чтобы его за ухо из избы вывели и без сказки оставили? А потому только пихались, чтобы усесться поудобнее, да возмущенно шептали: «Подвинься! Ишь, расселся...»

Наконец, дед насытился, облизал ложку, вытер усы и бороду. Благоклонно глядя на пашенков, нарочито низким и страшным голосом спросил:

– О чем, мелкие, сказку послушать хотите?

Ребятня начала оживленно перешептываться и советоваться, однако самая хитрая и пронырливая Горинка не стала дожидаться общего решения. Взяла да пропищала:

– Про страхолють хотим!

Возгарь глянул на нее с прищуром и, усмехнувшись, спросил:

– Это ж про какую страхолють рассказать? Пока не ушел Ночной Страх, много ее было всякой.

Горинка, смешно округлив глазенки, ляпнула:

– Про Кикимор.

– Кикимор? Ну, давайте про Кикимор, – подмигнул старик уже готовый всхлипывать от страха мелкотне. – Зла от них людям было уйма. Подъедали так, что даже косточек не оставалось. Особенно падаль любили. Утащат кого, загрызут и вокруг сядут. Ждут, значит, пока пахнуть не начнет.

Дети притихли. А дед продолжил:

– Сказывают, что эта история во времена первых князей произошла. Как повадился в одной промысловой деревне кто-то по ночам курей да гусей изводить. И капканы на него ставили, и собачьим дерьмом курятники да гусятники обмазывали, и обереги-змеевики вешали – все без толку. Ночи не проходило, чтоб двух-трех птиц не досчитывались.

И вот как-то баба одна вечером решила воды набрать. Выходит, значит, во двор и к колодцу идет. Подходит, ведро туда опускает, а из колодца свист доносится. Испугалась баба; мужиков позвала. Мужики собрались, камешков в колодец покидали – ну, чтоб голос подал кто. Слышат – и точно: кто-то в воде плещется. Всяк знает – собака и кошка свистеть не умеют. Позвали деревенского волхва. Тот в колодец смотрит и говорит: «Это страхолють провалилась и выбраться наружу не может. Оставьте колодец в покое – ночью за ней свои придут и вытащат».

Мужики послушались вроде, но бабы их подначивать принялись: «Больно вы трусливые стали, мужики! Нет бы страхолють прибить и всем остальным нечистям лесным в указку на частокол повесить. Пусть знают, как к нам по ночам в деревню шастать и курей воровать!» Мужики думали-думали, а бабы все трещали-трещали. Надоело мужикам их слушать да и ночь уже не за горами была. Ладно, говорят, прибьем его и на частокол посадим. Принесли лук со стрелами. Да не с простыми наконечниками, а из красного железа, что против нечисти помогает. Кузнец лук взял и пристрелил страхолють. Достали из колодца. Смотрят, надивиться не могут: дохлятина какая-то мелкая. Вся сморщенная да жалкая. Понесли волхву показывать, чтоб сказал, что за тварь, а тот двери не отпирает и орет на них матом. Ну, долго не рассусоливались: голову страхолюти отрубили да к частоколу приспособили.

Пару дней все тихо было. Птицу больше не трогал никто. А на третий день случилась беда. Баба та, что страхолють в колодце нашла, детей своих в домой ужинать позвала. Зовет-зовет, а они не отвечают. Вдруг смотрит, с улицы в окно глядят сынки ее и молчат. Как она на них напустилась – и так, и сяк их ругает. А они только смотрят, глаза выпучили и ничего-

шеньки не говорят в ответ. И только приноровилась их за уши схватить да в дом втянуть, как увидела такое, отчего выть начала. То не мальчонки ее были. Сверху-то, конечно, лица детские, а вот то, что после шеи начиналось – страхолють. Тут Кикиморы (а это они были) в дом впрыгнули разом и бабу ту разорвали. Потом только прознали, что Кикимора свою морду прячет, а принимает облик того, кого последним пожрала.

На крики соседи сбежались – глядь, а в избе все кровью да желчью перемазано, а нечисти уже и нет как нет. Мужик, чья баба и детишки были, в ту ночь поседел и умом тронулся. Завопил, словно зверь дикий, схватил копье да в лес убежал. Страхолють искать. Хотели охочие люди за ним пойти, но догнать его не смогли. Так и сгинул в лесах.

С тех пор деревня та пустеть начала. Раньше ведь как было: Кикимора птицу ела и довольной через это становилась. Людей не ела. А теперь стала людишек прихватывать. Ночь прошла – одного-двух нет. Еще одна – глядь, уже семья пропала. И чего только деревенские не делали: и костры всю ночь жгли, и в одной хате все вместе ночевали. Ничего не помогало. Вот ночью у дверей стоит мужик с топором, детишек караулит. Вдруг свистнет что-то – и нет его.

И взмолились тогда сельчане; стали просить волхва, чтобы умирил страхолють. А он им: «Говорил я вам „отпустите“? А вы по-своему решились поступить. Теперь Кикимора мстить будет».

Но после того, как внука его из рук матери страхолють вырвала, согласился. Весь день готовился: посыпал вокруг частокола пепел от священного костра да обереги вешал. Говорит: «Ночь когда наступит, встаньте все, кто еще живой остался, вокруг меня. Я буду заговор произносить, а вы за руки возьмитесь, слушайте и повторяйте за мной. Будем у Кикимор прощения просить да молить, чтобы оставили деревню в покое. И вот главный зарок: чтобы не творилось вокруг, ничего, кроме заговора, не говорите и круг не разрывайте». Почесали затылки сельчане да согласились.

Когда ночь пришла, встали все в круг да начали за волхвом заговоры повторять. Час стоят, два стоят. И тут видят – полезли из-под земли у частокола Кикиморы. Много их было, и у каждой лицо человеческое. А сами жуткие – свистят, когтями скрежещут, хвостами трещат. Крутятся вокруг сельчан, но не нападают. Люди за руки держатся, плачут, ибо лица у Кикимор родные, свои. И все бы ничего закончилось, и, может, помирились бы с нечистью, но баба одна, что дочку потеряла, не выдержала, закричала, круг сорвала и побежала прямехонько к Кикиморе, которая личико ее дочки на себя нацепила. Подбежала к страхолюти и давай ее целовать, обнимать и причитать: «Родная ты моя кровинушка! Не отдам тебя никому!» Так круг и разорвался. Даже волхв от страха замолчал. А Кикимора, которую баба целовала, хват когтями – и кишки ей наружу выпустила. Тут и остальные твари на нее набросились и сожрали на глазах у всех деревенских. А затем исчезли, словно не было никого.

Наутро собрали люди все пожитки свои да оставили деревню. Говорят, пока шли из лесу в город, почти всех ночью нечисть пожрала. Только волхв да пара семей до жилых мест добрались. А там уж Кикиморы от них отстали. Сказывают, что не любила эта страхолють далеко от своих нор уходить.

– Дедушка, – шепотом спросил Грудень – самый старший из замерших от страха детишек, – а расскажи, куда кикиморы делись?

Возгарь хмыкнул.

– Так ведь и не знает никто. Просто взяли да ушли, как и вся остальная страхолють. Говорят, под землей спят, в норах глубоких. Уж сколько столетий никто их не видывал. Будем молить, мелкие, Светлых Братьев и Темную Сестру, чтобы дальше спали. Ибо нам, роду людскому, от каменноликих хватает за милу-душу, а если еще и страхолють вернется, то совсем плохо станет.

Глава VIII

Векша чертыхнулся. Прямо посреди тропы развалилась огромная, заполненная мутной водой, яма. Пятая по счету, что встретил он за день. Подросток уныло вздохнул, поднял с земли сосновую шишку и швырнул ее прямо в зияющую в земле дыру. Жижка бултыхнула, принимая в себя неожиданный подарок. «Ну, вот, снова через кусты продирайтесь, чтобы ее обойти» – мрачно подумал он. – «Всю рубаху в клочья порву, а ведь еще суток не прошел».

Векша огляделся по сторонам: по правую руку от него за стеной густопоросшей ивы журчала речка, а по левую – рос себе плотный и высокий кустарник, за которым темнела густая чаща. Когда-то здесь была тропа, по которой частенько хаживали рядовичи. Прибрежный кустарник да молодые деревца заполнили когда-то славно утоптанную дорогу. Однако Векша так боялся заблудиться в лесу и не найти потом речку, что не решался идти чащей. «Без Узлы я Плескаву потом не отыщу ни в жизнь!» – думал он, упрямо продираясь сквозь окаймлявшие речной берег рощицы и заросли. А теперь вот – снова яма. И откуда они только берутся?

Отродясь таких здоровенных дыр в земле Векша не видывал. Даже те ямы, что рыли жители Лукичей у речки, чтобы глину для хозяйства накопать, и то были меньше да ближе к воде. А эти попадались, словно специально, прямо на векшином пути. Словно чья-то злая и насмешливая воля пыталась помешать мальчику идти и идти по старой тропе.

«Нет уж, пройду краем» – решил толстяк, опасливо косясь на мутную воду. – «Хватит одежду по кустам трепать». Вдохнул поглубже и, держась за высокие кусты, стал осторожно продвигаться вдоль лужи. Однако казавшиеся крепкими побеги обманули Векшу – не выдержали его веса. Подросток ойкнул и бухнулся прямо в теплую, пахнущую гнилью, жижу.

Хорошо хоть не наглотался – вовремя рот захлопнул. Оказалось, неглубоко. Векша встал по пояс в грязи, чувствуя, как дядины сапоги стремительно заполняются жидкой глиной. Еле выполз, несколько раз соскользнув обратно и чуть не потеряв портки.

Быстро подсыхала на солнце облепившая его грязь. Векша громко и от души выругался. Да с такими оборотами и словечками, что сам себя испугался и по привычке по сторонам посмотрел – вдруг, услышит кто да дяде расскажет. Не миновать ему розг по мягким местам. Ух... Векша поковырялся в левом ухе, куда уже затекла вода. Теперь-то он может ругаться, сколь душе влезет, не опасаясь получить на орехи от родных и соседей. Хорошо хоть дорожная сума отличная попалась. Холщовая. Не промокнет и не испачкается подарок Могильной Хозяйки.

Все еще покрывая грязь и весь лес руганью, полез подросток сквозь просвет в ивовых зарослях к речке – отмываться и воды во флягу набрать. Ругал он и себя. Хотел ведь выйти из деревни засветло да проспал. Пробудившись около полудня (видать, от волнений ночных и страхов), наскоро собрал котомку и быстрыми шагами, стараясь не оглядываться, ушел из мертвых Лукичей. Думал он поначалу время потянуть и в деревне пожить пару дней, прежде чем, в путь двинуть. Однако с такими соседями, как те, что ночью его в кущихиной избе навестили, в Лукичах прятаться больно страшно стало. Кто ее знает – страхолють? Может, в первую ночь не съели, а во вторую передумают. Вон, лапы когтистые какие. Их и быть не должно. По спине пробежали мурашки. «Как вспомню лицо Кущихи-вдовицы, так жуть накатывает».

Векша спустился по невысокому склону к воде, забрался на мелководе и стал смывать с себя пласты грязи. Над гладью пронесли испуганные речные пичуги. Все не шел из головы ночной визит Кикимор. Да и как такое забудется? Даже сейчас страшно стало, лишь вспомнил тварей, что влезли в избу. «За что мне эдакие ужасы достались? Безголовые какие-то, альвы да кикиморы. Так и помереть со страха можно» – думал он, полоща рот речной водичей. – «А Хозяйка могла бы кого-другого, не такого страшного послать, чтобы скатерку пере-

дал. Зайца, скажем, или голубя жирненького. Я бы тогда перекусил заодно. Белку, на худой конец. А то – Кикимор? Где это видано, чтобы посылки через нечисть сказочную пересылали. Даже в сказках такого не было».

И тогда в голову Векше пришла мысль, от которой он остолбенел. Как стоял, так и замер. Речная вода вперемежку с грязью и потом стекала с намокших волос по лицу. «Если Кикиморы появились, то и другие могли повазаться» – ошалело подумал толстяк. – «А вдруг и остальная страхолють возвратилась?» Ему стало совсем не по себе.

Сказки Векша любил, а страхолютей, о которых дедушка Возгарь рассказывал, он поименно помнил. Ночного Страха было много: Кикимора, Кутник, Ный, Слепа, Волчья Кость, Утащень, Грыжа, Куруницы, Пирага. Векшу передернуло. А ведь были и такие, о которых не то что вслух говорить, но и подумать страшно. Те, кто в щели через забор заглядывают и в домиках рядом с покойниками спят. «Нет, даже думать о них нельзя». Векша сглотнул слюну и поежился. Дед сказывал, что уже лет пятьсот никто не видел Ночного Страха. «Исчезли они из Удела. Ушли, неведомо куда. И туда им дорога, хвала Светлым Братьям» – любил приговаривать после каждой сказки Возгарь.

Видать, обратно дорогу нашли.

Векша подозрительно огляделся окрест. Детали, на которые он и внимания раньше не обращал, теперь приобретали пугающий окрас.

На другой стороне Узлы лежал поваленный то ли ветром, то ли временем немалых размеров клен. Подмяв мелкие деревца и продавив поверженным стволом пространство среди приречных зарослей, дерево было затоплено водой лишь наполовину. Векша пристально всмотрелся в перепутанные ветви. На мгновение, почудилось ему, что ветки мертвого гиганта напоминают свитое непонятно кем огромное гнездо, в глубине которого что-то еле заметно шевелилось.

Векша икнул и протер глаза. Вроде, почудилось! «Так я себе невесть чего понавыдумываю» – попытался успокоить себя мальчик, однако сердце его было не на месте. Лесная тишина, лишь изредка нарушаемая далеким стуком дятла да птичьей мелочью, что в кустах выясняла меж собой отношения, теперь казалась ему зловещей. Ему захотелось прямо сейчас оказаться в Лукичах, в такой надежной и привычной кущиной избе. «Зачем я ушел из деревни? – думал он, выходя из воды на сухое место. – Еще не поздно вернуться. А что? Окна заколочу. На двери засов приличный. Запрусь! Буду по ночам от Кикимор прятаться, а днем еду искать».

О страхолюти сказок было много; нечисть в них была одна другой страшнее. И кто теперь разберет, где быть, а где выдумки. Никто и не ведал, откуда в Уделе возникли все эти диковинные существа – не то мертвые, не то живые. В их охоте не было смысла: в одних сказках твари умерщвляли, в других – помогали по одной лишь им понятной прихоти. Разумными их назвать язык не поворачивался, однако от простого зверья они отличались. Тем, что убивали не только ради еды. Векшу передернуло: снова вспомнилась сказка о детеныше кикиморском.

Рядовичи сохранили память лишь о некоторых. Еще о большем числе лишь отрывочные воспоминания дошли. «Что же приключилось, пока меня не было?» – маялся Векша. Он ощутил досаду от того, что вернулся в мир, о котором ничего не знал. Что-то изменилось в Уделе, и оно тревожило. «Вот ведь» – размышлял подросток, снимая себя мокрую одежду. – «Мне теперь не только каменноликую нелюдь надо бояться, но и от страхолюти ныкаться. Что же не везет-то так?» Он посмотрел на небо. День был безоблачным и жарким, однако до заката времени оставалось не так много. Лето шло на убыль, и подросток это чувствовал. Он повесил мокрые штаны и рубаху на нависшую над берегом иву и уселся в траву.

«Скоро начнет вечереть» – подумал толстяк, залез в котомку и достал завернутый в тряпицу мед. Со вздохом отщипнул и закинул в рот несколько комков сладкой массы. Векша уже ненавидел это прежде казавшееся чудесным лакомство. Шел третий день его новой жизни, и за это время только мед да ягоды оседали в его брюхе. Есть особо не хотелось, но обиженный

желудок гудел и урчал. Особенно, когда вставали перед внутренним взором щи да рассольник наваристый. Вот и сейчас векшин рот наполнился слюной, а приторная и липкая масса запросилась наружу. Векша выпучил глаза и с усилием заставил себя проглотить сладость. Мяса захотелось, а еще больше – пирогов. Когда все были живы, мясное подросток едал лишь по праздникам, да и то – большим. А в нынешнее тяжелое время и вовсе ему подумалось, что нет ничего вкуснее хлеба. «Горбушку хотя бы» – затосковал мальчик. И еще горше ему стало от догадки, что у свергов пирогов ему тоже не видать. «Рассказывали мужики, которые на гномов горбатились, что те кормят только так, чтоб с голодухи не околеть».

И так предавался он невеселым мыслям, ожидая, пока высушится его одежда. Затем оделся, отряхнул колени и, мрачно поглядев на сверкающую на солнце речку, отправился в путь.

Первый день был почти окончен. Продираясь через очередные заросли, нависшие над тропой, Векша размышлял о ночевке. Кремень и кресало он захватил. Волки и коты лесные огня боятся. А если что, то залезет он на дерево да отобьется, ибо ржавый тесак по-прежнему висел у него на поясе. Но вот страхолоть... Воспоминания о Кикиморах вызвало в Векше чувство такого лютого ужаса, что аж во рту пересохло. «Я им не нужен» – храбрился Векша. – «Моры, небось, не послушаются». Галки на верхушке дерева что-то насмешливо прогалдели. А чего им не галдеть – хорошо да безопасно в дупле, даже филин туда не залезет. «Знают лесные птицы, как прятаться. Вот мне бы так на ночь схорониться в дупле, как эти галки». Векша зачем-то погрозил в их сторону веснушчатый кулаком и двинулся дальше.

Он уже изрядно подустал. Отдыхать он отдыхал, пока пробирался вдоль берега, однако ноги одервенели от ходьбы и не хотели топтать дальше. Небо и река уже потемнели. Сумерки постепенно сгущались. Векша посмотрел вверх. Яркая Марынь-звезда уже подмигивала ему из непроглядной высоты. «Все она оттуда видит» – подумал Векша. – «И не страшно ей там, на такой верхотуре?» Колыхались и шумели кроны деревьев; к вечеру прохладный ветер поднялся. Мысли о стоянке подгоняли его. Надо было выбрать место. Какое, он не знал, но надеялся, что поймет, когда увидит. Вот, к примеру, то дерево...

Огромная, сросшаясь стволами с такой же гигантской соседкой, береза обжилась неподалеку от речной заводи. Векша удовлетворенно кивнул и направился к ней. Сплетенные древесные тела, искривленные временем и зимними ветрами, могли укрыть и от неожиданного дождя. Да и вскарабкаться на такую было удобно, если что-то на земле станет ему угрожать. Мальчик радостно ослабил и поспешил занять выгодное место, как будто, это была игра, и сейчас выбежит с другой стороны тропы такой же кочующий толстяк и заявит: «Чур, мое!».

Под густой листвой сплетенных ветвей Векша кинул на траву свою котомку, вытащил из нее и разложил на земле медвежью шкуру, уселся и довольно огляделся. Место оказалось лучше, чем он думал. Заросшие, тяжелые от зелени березовые ветви глубокого наклонились и накрыли мальчика шелестящим сводом. «Словно в шалаше» – подумал он. – «Я все вижу, а меня – никто». И точно: сквозь ветви он мог наблюдать и саму реку, и другой берег Узлы, и темнеющую чашу леса.

Насобирав жухлой листвы и положив сверху сухих сучьев, Векша достал кремень и развел костер. Сумерки сгущались, и от реки потянуло вечерним холодком. Стараясь не отходить слишком далеко от огня, Векша, деловито сопя, прошелся по окружности вокруг дерева, осмотрев место своей ночевки. Удовлетворенно вздохнул, уложил шкуру на мшистую землю у основания дерева, соорудив себе лежанку, и, положив под голову котомку, наконец, устроился у костерка. Вокруг было уже темно. Векша лежал и всматривался в веселый огонь, ни о чем не думая. Ноги его гудели после долго дневного перехода, а в животе бурчало от голода.

Почти целиковая луна посматривала на него сквозь сумрачное ночное небо. Хотя Векша и устал, но заснуть ему никак не удавалось. Костер пострескивал, изредка постреливая в темноту искрами. Мысли хаотично витали в растрепанной голове. Он лежал и думал.

Впереди его ждала не просто неизвестность. Мысли о каменноликих не давали ему покоя. Пусть устроится он батраком у свергов. Пусть получит кров над головой и пищу. Однако воспоминания о пропаже сородичей в сверговых городах не выходили из его головы. Уже не казался ему правильным выбор, сделанный в избушке Могильной Хозяйки. А потому размечтался Векша о том, чтобы вернулось все то, чем он жил раньше. Родня, сестренка, шумная детвора и даже тяжелые работы на общинном поле. Он хотел снова стать частью чего-то родного; быть с теми, с кем объединяла его кровь. А теперь в целом свете не было никого, к кому мог податься толстый и неряшливый подросток. «Вот и сгину так. Сверги-то нашего брата и в былые времена недолюбливали, а уж теперь и подавно должны. Вдруг я к ним заявлюсь, а они мне „здрасьте, а мы вас ждали“, и сразу каменноликим отдадут на мученья. А те уж постараются, чтобы я пропал навеки» – тоскливо подумал Векша.

Мальчику вновь стало так одинокого, что глаза защипало. Плакать ему уже надоело, поэтому он сердито шлепнул себя ладонью по щеке. Слишком много слез, целое море, пролил он за последние дни. «Чай, не дите – реветь» – разозлился на себя подросток. В сказках о великих витязях славных времен нигде не было сказано, что герои плачут. Плакали княжны, которых нужно было спасать. А витязи – нет, ни слезинки!

Да еще страхолють... Векша сел на задницу, чувствуя, как в копчик упирается невесть откуда взявшаяся сосновая шишка. Что-то он пропустил. На что-то не обратил внимание. Призадумался на пару мгновений, почесал в затылке, а потом лихорадочно размотал тесьму на суме. Оттуда, с самого низа, извлек он на свет скатерть, что неожиданно притащили ему Кикиморы. Аккуратно, словно драгоценный гобелен, развернул ее, положил перед собой и, в очередной раз, подивился крепкому и ладному шитью. Ни одна баба из Лукичей так бы не смогла! Только руки богини могли сотворить такую красоту. Однако не крепость и искусность шитья интересовали Векшу. Разложив скатерть перед собой, начал мальчик внимательно рассматривать рисунки, вышитые то ли бисером, то ли каким еще таинственным и редким мелким камнем.

С необычайной умелостью ледяные руки Могильной Хозяйки вывели на ткани рисунки, которые вместе складывались в целую историю. Векша внимательно пригляделся и обомлел – экое диво! Вот скачут куда-то остроухие всадники; вот клыкастые псы трутся у их ног; вот белый лик луны, укоризненно нахмурившись, смотрит на каменноликих воинов, сжигающих деревню и убивающих людей. А вокруг части тел изобразила Мора: руки, головы, ноги в разные стороны, даже кровь и пламя – все на рисунке оказалось. И увидел Векша вышитую фигурку человека, испуганно сидящего на древе, окруженного псами. Всадники здесь же, неподалеку, а промеж них – безголовое существо, стоящее покуда смирно. А вот человечек сидит за столом и ест что-то, а напротив него высится фигура жуткого скелета, держащего в руке шитье.

Затаивший дыхание подросток разглядел в свете костра последнюю, самую красивую и пугающую картинку. С необыкновенным мастерством вышит был все тот же человечек с поднятыми кверху руками, а вокруг него, по бокам, сверху и снизу, страхолют. Да такие страшные, будто бы из кошмарных снов явились. Вся эта нечисть окружала человека, но не нападала на него. Толстяку вдруг припомнились сельские пляски, что на урожайных праздниках устраивали. Выходит в центр круга самый ладный парень или красивая девка, а вокруг них начинают кружить остальные. Так и здесь: ужасные страхолюты были изображены пляшущими и веселыми. Да и человечек сам не боялся, и точно так же отплясывал. Так и водили странный хоровод вокруг него жуткие создания, а рядышком показала Мора давешнего скелета с вышивкой, что умильно сложил руки и наблюдал за сим действием.

Хмыкнул недоверчиво Векша и пригляделся к тварям. Сразу узнал он в нечисти с длинными лапами и человеческим лицом Кикимору. А поодаль от Кикиморы плясал какой-то бурдюк со множеством длинных и гибких отростков, расходящихся в разные стороны. Сбоку присоседилась птица с головой кошки и хищными когтями. Там же и худющая тварь, похожая

на человека, с перепончатыми лапами и чешуей по всему телу. И сгорбленный старик с длинными клыками да красным язычищем. И страшное дерево, из которого, вместо ветвей, торчали руки да ноги, а у корней лежали человеческие головы с разъявленными от боли ртами. И волк с голым черепом, стоящий на задних лапах и задравший сверху костяную морду. И три жуткие расплывчатые фигуры, взявшиеся за руки. Остальных Векша рассматривать не стал: лишь испуганно отвел глаза и в темноту леса взгляделся. Страсти-то какие... Подросток встряхнул головой и к костру похолодевшие руки протянул.

– Вот тебе, Векша, и скатерка! Куда такую деть только? На стол постелю – всех гостей рисунками распугаю, – вслух проговорил Векша. И хихикнул. Он даже развеселился, потирая согревшиеся ладони и представляя, как испугалась бы Миланица или тетка, увидав такое шитье. «Небось, завизжали бы, как тогда, когда я мыша дохлого показал» – снова хихикнул Векша. А вслед за тем, загрустил, вспомнив, что нет их среди живых.

Завернулся Векша в шкуру и нахмурился. Однако вскоре морщины на лбу мальчика разгладились. Сомнений не было: несложно было додуматься, кого изобразила Могильная Хозяйка на вышивке. Медленно, но верно начал он догадываться о том, какой подарок преподнесла ему Мора. Первые, осторожные мысли возникли у него еще прошлой ночью, когда навелись в кущину избу страшные гости. Теперь же, разглядев рисунок, сомнения его почти рассеялись. «Надо бы проверить» – подумал Векша. – «Но только как? Боязно, ох, боязно!»

Темнота полностью окутала лес и реку. Под ветвями сросшихся деревьев было тепло и спокойно. Векша оторвался от рисунка и задумчиво отхлебнул воды из фляги. Комары его особо не допекали, хотя от реки отчетливо доносилось гудение мелких кровососов. Векша потянулся и закричал: мышцы болели после долгого и утомительного перехода, однако сон к мальчику не шел.

Ночной лес вновь стал оживать. Сменив дневную личину на сумеречную, он пробуждался, издавая гулкие и низкие звуки, то нарастающие, то отдаляющиеся. Векша жил в Чернолесье с рождения, и голоса леса были для него родными. В детстве он, бывало, начинал плакать, услышав странный далекий звон, доносившийся из темных лесных недр. И тогда его обнимала мать и тихо шептала на ухо: «Не надо бояться духовых голосов. Они жили здесь всегда, и ведают, что мы не хотим их потревожить». Уханье филина, писк комарья, потрескивание раскачивающихся от ветра верхушек деревьев и шелест листвы – все это было вкрадчивым шепотом леса, под который засыпали рядовичи и другие людские племена многие и многие ночи подряд.

Но сейчас Черный Лес был другим. Векша даже удивился, как не заметил этого в первую ночь новой жизни. Сырой лес по-прежнему мерно и глубоко дышал, выдыхая гулкие звуки из своих глубин. Однако теперь он наполнялся новыми и незнакомыми сигналами. Звуки перемешивались и переплетались друг с другом, словно те деревья, под листвой которых нашел мальчик убежище. Векша зачарованно внимал им, забыв обо всем. Чаша наполнялась головами, будто бы говорящими на неведомом наречии. Мальчик вздрогнул: в разноголосице мрака он отчетливо услышал тоненькое и неразборчивое девичье пение. Оно было далеким и доносилось откуда-то с другой стороны Узлы. Слов было неразобрать. «Морок наводят, приманивают. Как в сказке» – подумал Векша. Он тревожно всматривался во тьму.

Казалось, что верхушки деревьев, освещаемые луной и звездами, растут прямо из черной-пречерной дыры. Пение стихло, а Векша старался не думать о том, кто мог в ночном лесу петь девичьим голосом. «Лишь подумаю о нем да имя его про себя произнесу, как оно здесь появится» – со страхом подумал он, подкинув в костер.

Совсем близко громко хрустнула ветка, и со стороны зарослей у реки раздался свист. Где-то неподалеку была Кикимора. «Это она, паршивая, так добычу успокаивает» – догадался Векша. И точно: мысли его прервал предсмертный визг какого-то зверя. Совсем рядом. Векша дернулся, однако не испугался. Более того, в голове его ясно предстал образ дохлого зайца,

которого можно было освежевать и пожарить над прутьями. Желудок его свело, а рот вновь наполнился слюной. Векша ухмыльнулся в темноту, вспомнив ехидные слова Зоряна: «Ты, Векшище, слишком жрать любишь. Поди, и страха не ведаешь, когда есть хочешь?». «А то» – мысленно ответил своему погибшему сроднику Векша. Эх, как бы он хотел сейчас рассказать рыжему свою диковинную историю о том, как трижды погибал, как с самой Морой за одним столом сидел, про альвов и безголовых, про кикимору. «Небось, и не поверил бы мне Зорян. А то и вовсе – на смех поднял перед девчонками» – вздохнул мальчик, чувствуя, как начинают слипаться его глаза. Пора спать.

Он подкинул пару толстых сухих веток в угасающий костер, снова улегся на бок, подложив под голову суму, и накрылся шкурой. Над рекой пронесся долгий и низкий звук, похожий на стон. В воде плеснуло что-то большое и громоздкое, а вслед за тем услышал толстяк, как на другом берегу какое-то шумное существо, с хрустом подминая деревца, выползло из воды. Любопытство одолевало мальчика: и не столько от Ночного Страха, окружавшего его, сколько от полного спокойствия, которое овладело им. Он ничего не боялся. Ему нетерпелось проверить действие дара Могильной Хозяйки.

Лежа под шкурой, накрывшись с головой и закрыв глаза, Векша прислушивался к ощущениям внутри себя. Что-то странное поселилось глубоко в его естестве: новое, почти неосознаваемое чувство присутствия чего-то чужого и волнующего. Словно слабый и трепетный огонек жег его изнутри. «Я чувю их» – подумал Векша. – «Я чувю их рядом. Они везде. Они смотрят на меня». Ему стало жарко, но вылезать из шкуры было лень.

Векша вдруг подумал, что, будь на его месте кто-нибудь другой, уже и костей бы не осталось. Пожрала бы сказочная нечисть вмиг, и даже пискнуть не успел бы. А его, Векшу, Могильная Хозяйка бережет. Его нельзя жрать. Векша перевернулся на другой бок, спиной к костру, а лицом – к дереву.

Сверху с дерева упало несколько мелких веток. Своим новым чувством Векша ощутил страхолоть, что сидела на верхушке сплетенных берез. Мальчику не нужно были глаза, чтобы видеть эту тварь. Она была там и смотрела на закутавшегося в шкуру человека. Сидела себе, недвижимая в темноте, бесформенная, погруженная во тьму. Она впитывала в себя свет луны, но не освещалась ею. А в нескольких шагах, прямо за сплетенными деревьями, находилось еще одно, другое. И чуть поодаль – тоже. Лес был наводнен ими. Ночной Страх был везде: в воде, на деревьях и под землей.

Векша словно видел их сквозь закрытые глаза, но не мог разглядеть; слышал, но не мог различить неживой шепот. Лишь змеиный запах заполнял пространство вокруг костра, проникая под шкуру, укрывавшую толстяка. Его поглощало новое чувство, и он тонул в нем. Ему не было страшно. Пот струился по его лицу, спине и животу, пропитывая рубашку и штаны.

В один миг наступила полная тишина, и даже давешний Водяной на том берегу затих в зарослях ивы. Твари никуда не исчезли. Они были где-то рядом, чуть поодаль от дрожащего пламени костра. Они как будто ждали чего-то. Или просто наблюдали за ним. И тогда он решил. Пора было проверить, насколько правдивыми были рисунки на рубашке.

Подросток выбрался из-под шкуры и снова уселся перед костром. Он глядел на пляшущий огонь, краем глаза отметив темный силуэт, чернеющий неподалеку на фоне реки. Ни дерева, ни кустов там не было. Силуэт слегка качнулся и вновь застыл. Вверх смотреть было боязно. Векша ощущал сверлящий взгляд страхолоти, что сидела на верхушке сдвоенного дерева. Тварь внимательно разглядывала его сквозь ветви и листья.

Наконец, он решил. Несколько раз судорожно вдохнул и выдохнул, чтобы набраться решимости. А потом встал и сделал несколько решительных шагов в сторону от своего маленького костерка прямо в живую тьму. Он встретил ее с открытыми глазами. «Темная Сестра, не дай пропасть» – прошептал мальчик, борясь с желанием броситься обратно к огню.

Векша с минуту постоял, не двигаясь, стараясь ни о чем не думать. Его широко открытые глаза постепенно привыкали к темноте. Высоко над его головой ярко светила теплая летняя луна. Векша сжал кулаки и двинулся вперед. В десяти шагах от него на высоте двух с половиной сажень поблескивали два красных огонька.

– Кто ты? – спросил Векша.

Ответом ему было молчание. Только резкий запах псины ударил в нос. Векша медленно и осторожно шел в сторону огромного силуэта, передвигая ноги маленькими шажками, чтобы не споткнуться о корень или еще чего похуже. За рекой кто-то громко и страшно заклекотал. В висках стучало молотом.

Остановившись в двух шагах от огоньков, Векша осмелился поднять глаза. Ему удалось рассмотреть совсем немного, однако по спине поползла холодная капля пота, а во рту мгновенно пересохло. «Верно его Мора на скатерке изобразила, – подумал он. – Вместо морды – череп». Огоньки качнулись. Тварь слегка кивнула Векше, словно услышала его мысли.

Глава IX

Торговое селище Флузарм заполняло собой все устье реки, забив пространство широкими деревянными платформами, связанными меж собой мостками. То было огромное лесное поселение размерами в две, а то и три человеческих деревни. Цельные стволы деревьев служили сваями для самого большого здания, что располагалось в центре селения. «Главное Торжище» – так называли люди из окрестных деревень это легендарное строение. Окруженный высоченной стеной, спрятавшееся в самой глуши густых лесов, Флузарм было местом богатой и не очень честной торговли, с помощью которой сверги по локоть запустили руки в Черный Лес.

Фактория Флузарм существовала сотни лет. Взрослые сказывали, что построили ее гномы еще в те времена, когда люди жили в городах Великой Равнины. Уже тогда это место приносило прибыль свергам подгорных городов. Задолго до Великих войн стекались сюда пушные товары из затерянных глубоко в лесах промысловых поселков. Из окаймлявшей восток Черного Леса горной гряды прибывала легендарная красная руда, которую добывали люди-горюнки. Что это за народ был, уже и не помнил никто, но мастера из них были знатные. Молчаливые и угрюмые, привозили они на ладьях драгоценные камни и руду, выручали немалые барыши, а затем вновь уплывали к своему таинственному Хребту, возвышавшемуся до небес далеко на востоке Чернолесья.

Словом, стал Флузарм одним из тех мест, в которых отступавшие все дальше и дальше в леса людские народы получали милостливое право торговать со свергами по гномьим условиям. И сверги пользовались этим правом всю – втридорога продавали и задешево покупали.

Векша удобно восседал на вершине поросшего ельником холма и, не спеша, лузгал орешки. Он многое слышал о факториях, но и представить себе не мог, насколько огромными могли быть речные постройки свергов. С его позиции примерно за версту от внушительных деревянных стен отлично просматривалось все гномье селище.

Векша не торопился. Он и так провел в лесном переходе вдоль Узлы, а потом Плескавы почти месяц. Река становилась все полноводнее и полноводнее, продирая себе дорогу и тесня чащи да болота. Лес крепко сжал Плескаву в своих рукавах, однако вольная и сильная река отобрала у Чернолесья немало земли. Когда-то по ней ходили речные ладьи людей и свергов, однако теперь она была пуста. И лишь изредка проплывали по ней мертвые старые деревья, поваленные невесть кем где-то в недрах Черного Леса.

Векшины сапоги давно стерлись и прохудились, однако жить захочешь – и не так раскопчишься. Подросток надумал и приладил к ступням плотную бересту. Так и дошел. Одежда его совсем продралась и была черным-черна от болотной грязи. Впрочем, Векшу это не волновало – привык за столько дней похода. От дождей да ливней мокрого лета он прятался под деревьями, а если становилось холодно – накрывался прихваченным из деревни шкуркой. Каждый вечер, устраиваясь на ночлег у очередного костерка, Векша гнал от себя мысль, что так и будет вечно пробираться вдоль реки, пока не уткнется в край Удела. Его волновала лишь осень, что напоминала о своем скором приближении холодным ночным дыханием и первыми желтыми листьями.

Векша сильно похудел. Пухлые щеки и двойной подбородок исчезли; брюхо обвисло. Однако оно по-прежнему гулко и ворчливо бурчало, а вечно голодные глаза мальчика жадно всматривались в землю окрест в поисках съестного. Если бы не Волчья Кость, то помер бы Векша от злого голода. Но, все равно, есть ему хотелось постоянно.

Векша пребывал в странном, полусонном состоянии. Он шел вдоль реки, пил воду, разводил костер, ел и спал, закутавшись в шкуру. Мед быстро закончился, а на ловлю рыбы Векша, сделав несколько безуспешных попыток, махнул рукой. Был у него лишь один источник пищи,

благодаря которому сейчас в его дорожной суме хранилась половинка зайца. Впрочем, начавшая попахивать.

Векша поморщился, скинул остатки орешков в карман, отряхнул ладони. Залез в суму, достал мясо и аккуратно положил его под ближайшим деревом. Он знал, что если за день плоть не растащат муравьи, то это сделают ночные существа – лисы да ежи. Следующей ночью Волчья Кость обновит его запасы.

С той самой, первой ночевки в лесу огромный волк с костяным черепом неотступно следовал за Векшей. Каждую ночь эта страхолють возникала рядом с его привалом. Сначала подросток ощущал ее появление ночным чутьем и только потом замечал волкодлака. Тот всегда сторожил неподалеку, таясь за деревьями. А иногда приносил дохлых зайцев и выкладывал тушки поодаль от костра. Волчья Кость не любил огонь и никогда не подходил к нему ближе, чем на пять шагов. Векша и рад был, что страшилище близко не подбирается. Пусть еду приносит, и ладно. Утром страхолють исчезала, оставляя на земле отпечатки больших когтистых лап.

Первое время страшно было. Очень страшно. А потом Векша привык и перестал удивляться такой преданности со стороны страхолюти. Что дивиться-то? Мора ведь обещала помочь. Вот и помогает. Без Волчьей Кости он бы в лесу не протянул. С голодухи помер. Да и волки-медведи к его костру не подходили, а только издали позыркивали. Боялись они Волчьей Кости.

Каждый вечер Векша начинал волноваться. Подыскивая место для очередного ночлега у реки, мальчик старательно отгонял от себя ощущение пробуждающегося Ночного Страха. Разводя костер, он вздрагивал всякий раз, когда прохладный закатный ветер доносил из глубин леса рокочущие звуки. Нечисть пробуждалась от дневного сна. Векша не любил ночь, ощущая, как все сильнее и настойчивее движется нечто глубоко под землей, в темноте. Ночной Страх выползал наружу из затерянных среди травы и деревьев нор, из глубин реки и болотного дна, чтобы затем расползтись по сумеречным чащам Чернолесья. Даже днем навязчиво чудились ему подземные шорохи и тихое, монотонное гудение прямо под ногами.

Уже на третий день пути Векша узнал, кто вырыл яму, в которую окунулся он неподалеку от Лукичей. С серого вечернего неба лило, как из ведра; насквозь вымокший Векша, стоя под деревом с раскидистой кроной и стуча зубами от холода, наблюдал, как из норы с водой выползло нечто. Было оно мутно-серым и бесформенным, словно слизь на мокром заборе. Расплескивая грязную воду, нежить неуклюже вылезла на поверхность, придавливая грязь вокруг дыры. Учув Векшу, оно затихло, потом истошно завизжало, оцетинилась без малого сотней когтей-крючьев и вновь ушло в яму, булькнув на прощание. Векша с ужасом представил себе, как его ноги ступали по телу такой же страшной невидали. «Храни меня, Мора» – запричитал он, попытавшись представить, что сделала бы с ним тварь, не будь на нем покровительства Могильной Хозяйки.

Страхолють была повсюду и нигде. Как только над рекой сгушалась мгла, лес наполнялся нечистью и звуками, что она издавала. Ни разу мальчик не решился отойти от реки и заночевать в чаще. Он не сомневался, что Морин дар не даст ему пропасть в зубах страхолюти, однако боязнь перед обитателями ночного Чернолесья так и не смог пересилить. А потому, закутываясь в пропахшую дымом шкуру, он каждую ночь вслушивался в свое внутреннее чутье. Страхолють была рядом, и чувство лишь очерчивало приблизительные контуры тварей. Признаться, Векша и не хотел узнавать о них больше. Ему вполне хватало смутных теней, что наблюдал он в сполохах костра. Поэтому мальчик закрывал глаза, сливаясь с ощущением странной жизни вокруг, и засыпал.

Векша снова сел на завалившееся дерево и еще некоторое время рассматривал гномью факторию. Пожалуй, единственное, чего не хватало этой грандиозной постройке – самих свергов. Даже отсюда было видно, что Флузарм полностью и абсолютно безжизненен. Поразмыслив, Векша решил этому не удивляться. Времена изменились, и то, что жило в лесу, могло заинте-

ресоваться обитателями фактории. «Сожрали их – вот и все дела» – подумал подросток. Он сморщился, обгрызая отросший ноготь. – «Или гномы на Равнину ушли, в свои города». Векша не выдержал и ухмыльнулся. Он был рад такому обстоятельству, ибо не был готов к встрече с нелюдьми. Пока что – не готов... Кто знает, как встретят его коротконогие? Нет, лучше уж в лесу подольше помаяться. «Авось, додумаюсь до чего-нибудь» – решил мальчик и вспомнил любимую дедову поговорку. – «Придет день, придет пища».

Ему не терпелось обыскать Торжище. Он поднялся, отряхнул прорванные на заднице штаны, закинул за спину котомку и двинулся вниз по холму. Склон был скользкий после утреннего дождика, а посему приходилось хвататься за молодые деревца, чтобы не подскользнуться. Дождливое лето выдалось. Векша не помнил дня, чтобы хотя бы раз с неба не лило.

В Фактории случилась беда. Векша понял это сразу – за десяток шагов до стены воняло. «Мертвяки» – поморщился мальчик. Он надеялся, что гномы давно ушли из этого места и можно будет беспрепятственно поживиться тем, что они забыли прихватить с собой. Подросток нерешительно постоял немного в тени между деревьями, внимательно прислушиваясь к звукам. И точно – из-за частокола доносилось недовольное карканье ворон. Огромная стая галдящих черных птиц кружила над сверговым селищем; особо любопытные сидели на верхушке высоченной стены и, перемигиваясь, разглядывали невесть откуда взявшегося человека.

«Это они из-за мертвого мяса ругаются» – подумал Векша. Он уже не сомневался, что там, за стеной ждет его совсем неприглядная картина. «Мертвяки повсюду, как пить дать» – снова поморщился мальчик.

А потом произошло странное. Под своими ногами Векша почувствовал что-то твердое – что-то, сильно отличавшееся от мягкой лесной земли. Подросток посмотрел вниз и увидел Дорогу.

«Это Трехпутный Тракт» – догадался Векша и, присев на корточки, благоговейно потыкал указательным пальцем в твердокаменную поверхность. Через нее кое-где проросла трава, однако это была она – древняя, изъезженная тысячами груженых повозок, дорога. Даже за годы простоя, когда ни телега, ни сапог прохожего не ступали на нее, лес не смог уничтожить ее. Тракт был утрамбован намертво, и трава не сумела разрыхлить его.

Широкая настолько, что на ней могли разъехаться сразу несколько телег, дорога брала свое начало у запертых ворот Флузарма и шла сквозь лес куда-то вдаль, петляя между деревьями и заворачивая вдали.

– Трехпутный Тракт, – повторил Векша вслух. Странное имя предки для дороги выбрали. – По нему я до самого Ключеня дойду.

Ему стало страшно и, в то же время, любопытно – что же там, в конце пути? Упирается ли он в город и заканчивается там? Или же идет дальше, в неведомые земли? И понял тут Векша, что дальше идти ему не по диким местам. А это значит, что нужно держать уши остро. Так и с каменноликовыми можно по пути повстречаться. «Хотя какие альвы в лесу? Они, небось, ночи тоже боятся» – подумал Векша. Но все же оглянулся. Так, на всякий случай. – «Ночной Страх не посмотрит, что ты – древний да бессмертный. Сглохнет вместе с конем да собакой. Был альв да вышел весь».

Стена фактории были крепко сбиты из цельных дубовых стволов и в высоту превышали те, что в Лукичах стояли, раза в два. Векша подошел вплотную к частоколу и провел ладонью по шершавой деревянной поверхности. Только сейчас он заметил, что дерево выглядело как-то неправильно. В одних местах ровное да гладкое, а в других – поцарапано и с вмятинами, словно колотили по нему огромным топором. «Видать, что-то из леса к гномам лезло» –

понял Векша. Ворота и частокол выдержали, но, судя по запаху из-за стены, нечто во Флузарм все же пролезло. Векша нахмурился: «А мне как туда попасть?».

Постоял-подумал и решил пойти вдоль стены – авось, найдется какая-нибудь лазейка. «Альвы наш частокол огнем колдовским прожгли. А здесь, словно медведь покарябал» – размышлял мальчик. Он медленно брел вдоль стены, трогая старое, отполированное солнцем и ветром, дерево. Векша по-прежнему внимательно прислушивался к звукам с той стороны забора. Для себя он решил: ежели голоса какие услышит, то сразу в лес убежит. Сначала спрятаться надобно, а потом – обдумать, связываться или не стоит с живыми обитателями Флузарма, если таковые найдутся.

С холма Векша видел, что шел частокол полукругом, захватывая часть берега, и упирался в реку. С воды попасть на платформу было непросто. В этом месте Плескава была хоть и узкой, но плыть бы пришлось долго. Потом, усталому, еще и по высоченным сваям пытаться заползти. Вот если бы лодка у Векша была, то – другое дело. А так... Вдруг в воде колья понатыканы супротив таких пловцов? Векша много слышал о том, как трясутся над своим добром сверги. Нет, так у него ничего не получится. Тем более, что и вода по-осеннему холодная. Плавал Векша, как рыба, но в такую ледяную реку да в незнакомом месте лезть было боязно.

Вопрос решился сам, когда пройдя шагов тридцать от ворот, наткнулся мальчик на большую свежерытую яму у стены. Векша встал у края и осторожно заглянул вниз. Сажени три, не меньше. А вон и лаз! «Когтями рыли, не лопатой» – решил он, рассмотрев неровную и шербающую поверхность склона.

Поколебавшись, мальчик уселся на край ямы и на заднице съехал по склону. Измазался, конечно. Лаз был просторный – на карачках пролезть можно. И шел прямехонько под стену. Векша, чертыхаясь, по щиколотку в грязи, наклонился к дыре и попытался взглянуть в нее. Безуспешно – темнота, хоть глаза выколи. И сразу же, вместе со зловонием, потянувшимся из темноты, пришло к Векше ночное чувство. Страхолють... Подросток выругался: «Леший вас заberi, что же делать? Лезть – не лезть?» Уныло оглянувшись на крутой склон ямы и представив, как трудно будет ползти по нему наружу, Векша утер выступившую соплю и решился. Надо лезть в дыру. Другого пути во Флузарм не будет. Сознание его взбунтовалось: «Куда лезешь, дурень? В норе сидит то, что ее вырыло!» Векша сжал кулаки. «Страхолють ночью ко мне не лезет, значит, и днем не тронет» – не очень уверенно подумал он. И, кряхтя, полез в дыру.

Тьма сгустилась вокруг Векши, когда оказался он в норе. Внутри было жутко, узко, грязно и воняло так, что слезы выступали на глазах. Сдерживая тошноту и страх, Векша полз и полз вперед. Дорожную суму он снял и перед собой толкал. Как представил себе, что над ним высятся сотни пудов земли, а над ней – стена, так и дух перехватило. «Не обвалилась бы земля на меня. Заживо закопаюсь» – встревожился он, стараясь не задевать спиной и откляченным задом осыпающийся свод норы. Но то, что прорыло лаз, свое дело знало. Спереди и сзади еле проглядывал тусклый свет; поверхность норы вся была усыпана камешками, ветками да чем-то колючим – не то шишками, не то мелкими костями.

Вонь усиливалась с каждым вершком. Векша пыхтел и полз, завидуя червям. «Вот им, поди, удобно как! Рук-ног нет. Задницы нет. Ползать не мешает ничего» – грустно подумал он, остановившись на мгновение, чтобы протереть запорошенные пылью и песком глаза. Темно стало, как в бочке. Векша чертыхнулся и полез дальше. Главное – вперед.

Несмотря на усилия, продвигался он медленно. «Эх, лаз какой длинный» – подивился мальчик. – «Как бы не уползти, куда не надо».

Конца тоннелю все не было и не было. Однако ползти стало легче. Нора становилась просторнее, а пол ее – мягким и утрамбованным. Только со свода все сыпалось и сыпалось ему на макушку. Векша все полз и полз, упрямо проталкивая локтями и пятками свое тело

вперед. А потом земля под ним зашевелилась, и Векша не успел охнуть, как уперся затылком в земляной потолок. От неожиданности он только и смог, что пискнуть да замереть в ужасе.

Вляпался... Сердце юнца провалилось в желудок и замерло там холодным комком. Векша чувствовал, как страхолють медленно ворочается под ним. Она спала, чуть прикопавшись в земляной пол норы, пока подросток не залез на нее и разбудил. Векша не двигался. Тварь недоуменно поерзала, словно пытаясь сдвинуть лежащего плашмя на ее спине подростка, а затем затихла. От смрада, что испускала нечисть, было невозможно дышать. В крошечной тьме мальчик не видел, но ощущал ее длинное и лишенное растительности тело. Думать о том, как оно выглядело, было страшно и противно. Съежившийся от омерзения Векша, в который раз, поблагодарил Мору за заступничество и, стараясь не сильно тревожить дремлющего под ним монстра, пополз дальше.

Он все полз и полз, а туловище Червя не заканчивалось. Оно больше не шевелилось. Векше стало казаться, что нора не отпустит его. Стены лаза вновь сдвинулись и напирали на него со всех сторон. Дышать становилось все труднее; Векше вдруг почудилось, что еще немного, и страхолють проснется, сожмет и раздавит его, как былинку. Еле сдерживая накатывающие ужас и удушье, подросток упрямо прикусил губу, почувствовав, как земля захрустела между зубами. И, когда паника начала разрастаться и на глазах его навернулись первые злые слезы, он, наконец, почувствовал, что под ним вновь только грязь и глина. А спустя мгновение совсем вблизи показался свет. Не помня себя от радости, Векша еще сильнее заработал ноющими от усталости локтями, толкая вперед свою суму.

Потный и полуживой от напряжения, Векша выполз на поверхность. Некоторое время он лежал, перевернувшись на спину и жадно глотая воздух. Солнце ласково грело его лицо, и мальчик чувствовал, как щекотно сохнет глина на лбу. Прямо над ним возвышалась деревянная стена.

Кряхтя, он встал, закашлялся и, первым делом, оглядел и ощупал себя. Вроде, целый и невредимый. Грязный – с ног до головы измазанный. «Кровь» – почувствовал он ржавый запах. Сначала испугался, что поранился, пока по чуду полз. «Вроде, не моя» – успокоился он, еще раз осмотрев себя. На ладонях налипли чьи-то длинные волосы и кровавые ошметки. Векша выругался и с омерзением вытер их о штанины. Впрочем, вони от этого только прибавилось. Воздух был пропитан мертвечиной. Векша поднял глаза, приложил к ним запачканную и воняющую гнилой плотью ладонь, закрывшись от солнца, и огляделся. «Вот ведь» – ошарашенно подумал он.

За спиной его высилась стена, а спереди, вплоть до мостков, ведущих к свайным постройкам, растилась широкая площадь, вся заставленная возами да телегами. Векша помнил из рассказов, что здесь, у ворот останавливались на постой гости из тех, кто победнее – в первую очередь, люди из лесных деревень. Когда-то здесь ночевали и его сородичи. А сейчас жужжание тысяч мух и слепней почти заглушало крики ворон, кружащих над площадью. Вся она была завалена обглоданными и объеденными частями тел. Трупы были везде: на пыльной земле, на деревянных лотках, под телегами. Одни лежали друг на друге, как будто кто-то аккуратно сложил их штабелями; другие, распластаные и раздавленные, словно под поваленным деревом побывавшие, скрючились вдоль стены. Признать гномов было несложно: головы с торчащими бородами, заскорузлыми от засохшей крови, мощные короткие тела, раздувшиеся и разлагающиеся. Вперемежку с ними валялись дохлые лошади и быки. Повсюду царил смерть и разрушение. Залитые бурой кровью топоры, ножи, упряжь, кубки и тарелки, окровавленное тряпье и мириада всякой мелочи были разбросаны по земле между трупами. Свергов кромсали и тут же жрали. Прямо на месте их ночевки.

Устрашенный Векша отступил назад и уперся спиной в стену. Ему стало совсем худо. Снял рубаху и обернул ею лицо. Дышать стало легче, однако вонь пробивалась даже сквозь

ткань. Такого он и представить не мог. Лютая и страшная гибель постигла обитателей Флузарма.

Солнце скрылось, и вновь закапал мелкий злобный дождик. Благодаря ему, вонь от мертвецов враз усилилась. Сдерживая тошноту и перешагивая через трупы, подросток медленно побрел в сторону Торжища, осторожно оглядываясь по сторонам. Пару раз вспугнул мелкую лесную живность, которая вкушала остатки того пиршества, что устроила себе страхолють.

Полуденное дождливое марево плыло над разбухшими останками животных и свергов. То, что добралось до гномов, думало не только о еде. Как будто разбушевавшийся ребенок, заигравшись, ломает и разбрасывает по сторонам части игрушки, так рвал Ночной Страх гномов Флузарма, злобно расшвыривая мясо вокруг себя. Оторванные конечности свергов и скота покрывали собой пространство. Векша ступал очень осторожно, но было совсем непросто не наступить на очередной кусок плоти, бывший когда-то свергом или вьючным животным. К горлу подкатило, и отнюдь не из-за запаха. «Как их всех...» – только и мог, о чем думать Векша, аккуратно обходя обглоданные останки то ли коровы, то ли быка. – «Кто же их так, а? Неужто – тот червь, по которому я в норе прополз». Как одна тварь смогла столько дел натворить?

Всю дорогу через лес от мертвых Лукичей до Флузарма не давала ему покоя мысль о том, что он будет делать, когда доберется до фактории. Векша надеялся, что застанет Торжище пустым, однако то, что он увидел, ужаснуло и изумило его. «Как они здесь жить умудрились?» – думал он про себя, с трепетом рассматривая мертвого сверга с откушенными по плечи руками. – «От страхолюдин такой забор не спасет – дураку ясно».

Вскоре другие мысли захватили его воображение.

– Ишь, низкие какие, – вслух сказал Векша. Затем он аккуратно дотронулся носком сапога до бока ближайшего мертвеца. По прикидкам, даже малорослик Векша был выше любого из лежащих перед ним нелюдей. Мальчик почувствовал неумную гордость. Он привык быть самым низкорослым среди родни и соседей. Даже девки и старухи потешались над его росточком. Оказывается, гномы пониже будут. Векша хмыкнул и зажал нос. Дышать – даже сквозь ткань рубахи – было невозможно. Все труднее становилось сдерживать подступающую тошноту. «Нет уж» – сердито подумал мальчик. – «Блевать мне нельзя. Когда еще брюхо набить придется?»

Бживую он свергов и не видел вовсе, поэтому, несмотря на брезгливость, с изумлением рассматривал представителей этого диковинного народа. Раздувшиеся лица их были покрыты искусными рисунками. «Это они прямо на кожу колят, – узнал Векша татуировки. – А у нас такое только волхвам можно носить». Невольно залюбовался, наклонив голову вправо: на лбу мертвеца красовался распластавший могучие крылья птица-кречет.

Одно он понял точно, хотя вопросы по-прежнему роились в его голове. Что-то прорыло ход под стеной и напало на свергов, которые, дурни такие, не убрались отсюда, когда надо было. И бойня эта учинилась всего несколько дней назад. «Мертвяки-то несвежие» – заключил про себя Векша, – Но стухнули не до конца еще. Да и воронье с мухами не успело их до косточек обглодать». Ночное чутье его молчало, и Векша сделал вывод, что тварей поблизости нет. Кроме той, что в норе осталась.

Тем временем, подросток миновал заваленную мертвецами площадку. Он поднялся по ступеням настила и медленно пошел по скрипящим мосткам в сторону Торжища, что горой нависало над окружающим пространством.

Глава X

Торжище внушало трепет. Векша никогда не видел таких сооружений. С округлой крышей и крепкими стенами, оно было таким большим, что в нем целиком могла поместиться вся векшина деревня с частоколом. И еще бы место осталось. Словно исполинских размеров толстяк расселся прямо посреди реки, вывалил необъятное пузо, загородив им устье, и упер руки в бока. Все это чудо покоилось не на земле-матушке, а возвышалось над могучими водами Плескавы прямиком на свайной платформе.

Векша стоял, разинув рот и, не обращая внимания на дождик, что падал ему за шиворот, разглядывал гигантскую постройку. Он чувствовал себя маленьким и ничтожным рядом с этой рукотворной громадиной. «Вот же махина какая» – изумился мальчик, забыв про горы трупов вокруг и ужасающую вонь. – Правду говорили, что сверги – мастера из мастеров. Такую красоту отстроили!». Забывшись, он вступил в развалившийся посреди мостка гномий труп, подскользнулся и чуть было не упал на скользком деревянном мостке. Больно ударившись локтем, он схватился за перилы и чудом устоял на ногах. Хмуро скривившись, мальчик двинулся дальше.

Тела мертвых и обглоданных свергов были и здесь. Они лежали в разных позах и было видно, что умирали гномы храбро – с оружием в руках. «Отбиваться пытались» – решил Векша, разглядывая раскуроченное толстенное туловище без головы, в руке которого намертво зажат был короткий меч. Да толку мало было от их храбрости – кроме свергов, других мертвяков поблизости не наблюдалось.

К слову, оружия вокруг было разбросано немало. Векша с трудом поднял лежавшую под ногами секиру и попытался ею взмахнуть. Однако силенок не хватило даже удержать ее на весу. «Слабоват я» – расстроился мальчик. И то правда: мертвые сверги, как на подбор, были плечистыми да с мощными руками. Даже при своем незавидном росте, выглядели они внушительно.

Поднявшись по мосткам еще выше, на платформу, на которой высилось Торжище, Векша огляделся. Здесь было чисто: ни трупов, ни крови, ни беспорядка. Речной ветер, резкий и сильный, сдувал мертвецкий смрад, благодаря чему, можно было дышать. Мальчик вплотную подошел к крепкой стене Торжища и замер. «А вдруг там кто-нибудь до сих пор сидит?» – проскочила в его голове неожиданная мысль. Подросток приложил ухо к мокрому дереву. «Нет» – успокоил себя Векша. – «Тихо все». Только мухи жужжали да река шумела.

Дождик прекратился, однако солнце по-прежнему пряталось в свинцовом небе. Задул холодный северный ветер. Поежившись, Векша решил, что было бы весьма кстати спрятаться под сводом Торжища.

Подойдя к ближайшему входу, Векша попытался открыть резные и украшенные какими-то блестящими камнями широкие двустворчатые ворота. Ничего не вышло. «Видать, изнутри заперли» – решил Векша, безрезультатно подергав за железные ручки. – «Надо вокруг обойти. Может другой вход найдется».

Обойдя Торжище, Векша нашел три таких же двери, но ни одно из них не было открыто. Все были заперты изнутри. Векша посмотрел вверх. Ничего не оставалось, как лезть в окно. Но только как на такую верхотуру подняться? Может, махнуть рукой на это дело? «Ага, махнуть. Нет уж» – подумал толстяк и мысленно прикинул, что внутри его ждут не только драгоценности, монеты, оружие и новая одежда, но и покои богатых сверговых магнатов, в которых можно будет с комфортом устроиться на ночевку. «Дядька сказывал, что гномы людей в Торжище на ночь не пускали» – вспомнил Векша. – «Словно зверей, с собаками да скотом спать у стен заставляли». Ему до смерти надоело ночевать на ельнике, мучиться от холода да мох под себя подкладывать. Здесь же ждал его уют и тепло.

Побродив по многочисленным амбарам и запасникам, Векша все же нашел лестницу в одном из сараев у стены. Вытащил ее наружу и, пыхтя, кое-как дотащил до Торжища. Приставил к окну второго этажа, поднялся и осторожно, приложив обе ладони к стеклу, заглянул внутрь. Ничего не разобрать.

С минуту подумал толстяк и вдруг хитро ослабился – озорная мысль пришла ему в голову! А почему нет? С мгновение поколебавшись, Векша отцепил от пояса тесак, зажмурился, отвернулся и резко ударил рукоятью по стеклу. Раздался звон, прокатившийся по реке, подобно грому. Гномье стекло лопнуло, сложилось и опало куда-то внутрь здания.

Лютая вонь, что была похлеще трупной, со всего маха ударила ему в нос. Даже сквозь повязку проняла Векшу да так, что сознание его помутилось. А вместе со смрадом заколотилось внутри ставшее привычным ночное чутье. «Там, внутри, полно страхолюти» – промелькнуло в его голове. Он буквально соскользнул по лестнице вниз на деревянную платформу, скорчился и закашлялся. От вони из глаз полились слезы. То не был запах мертвых тел. Пахло чем-то иным, и Векше почему-то расхотелось узнавать, что находится внутри. «Надо стекла побить, чтобы проветрилось. Потом и залезть туда можно будет». Да и что говорить: понравился ему звон да легкость, с которой свергово стекло разлеталось на куски. А кто ему что скажет? Он на весь Флузарм один-одинешенек, а потому всыпать ему по первое число не удастся никому. Векша хмыкнул. Он вновь сходил к стене, попутно собирая и кладя за пазуху камни. На трупы он уже внимания не обращал. Что с них взять – лежат себе да лежат, Векше не мешают.

В течение следующего получаса окрестности Флузарма наполнялись громким звоном и радостными воплями подростка. Эх, давно он так не развлекался. Камни летели и летели, круша унылые запотевшие стекла Торжища и оставляя после себя слепые окна.

Раскрасневшийся и запыхавшийся Векша с удовольствием осмотрел дело рук своих. Два ряда окон, до которых смог добросить он камни, были свободны от стекла. Теперь речной ветерок должен был вычистить смрад из Торжища. А пока Векша решил на то, о чем он подумывал с того самого момента, как вылез из норы под стеной.

Вооружившись кстати подвернувшимися вилами, подросток заново перемотал на лице рубаху, уверенно подошел к ближайшему гномьему трупу и, действуя вилами как рычагом, перевернул его на спину. Затем, болезненно сморщившись, подцепил зубьями расшитый бисером мешочек, приспособленный на богатом поясе мертвяка. Поднажал и рванул на себя...

Толстяк восхищенно вздохнул, глядя на свои трофеи. Уже спустя час в его руках оказалось целое состояние. Десятки кошелей, набитых чудными сверговыми монетами, и охапка тяжелых золотых и серебряных цепей. Перстни Векша трогать побоялся – вдруг, оберег какой? Кто их, этих свергов, разберет? Среди рядовичей бытовало, что мертвые могут с того света за своими талисманами вернуться. Хотя Векша мертвецов бояться и не думал (сколько раз сам на том свете побывать успел!), но решил не рисковать. Кто знает, может безголовый, что альвам служил, тоже за талисманом вернулся? Нацепив на шею понравившуюся цепь, Векша разложил свои находки прямо на земле и радостно уставился на них.

Никто в его племени давно не был обладателем таких сокровищ. Теперь-то денег у него хватало на очень многое. На что именно «многое» Векша, правда, не представлял. «Я теперь богач, выходит?» – недоуменно подумал подросток. А ведь он еще не обыскал само Торжище. Пора было это проверить.

Что-то слегка кольнуло в глубине. Векша отроду чужого не брал. Всех детей рядовичи этому строго-настрого учили. Что, если нехорошо это – у мертвых красть? «Нет уж» – Векша сам себя перебил и насупился. Хватит с него правил. Удел должен был ему за все и должен был немало.

А еще он подумал отчего-то, что не в последний раз страхолють помогает ему разжиться деньжатами. Подросток плюнул в реку и внимательно проследил за тем, как его слюна уплыла куда-то под сваи. «Все, что найду – мое!» – громко и, как ему показалось, строго

сказал он лежащему неподалеку мертвому рыжему бородачу. И вздрогнул от неожиданности. Прямо из раскуроченного мертвяцкого живота выбралась, отряхиваясь, иссяня-черная ворона. Посмотрела на него одним глазом, а потом взлетела, зашлепав крыльями и унося в клюве кусок гнилого мяса. Векша кинул ей в след последний из лежавших запазухой камешков. Не попал...

Векша выкинул ставший позорным, по сравнению с разбросанным вокруг знатным оружием гномов, старый кухонный нож. Походил, поискал да нашел себе кем-то брошенный кинжал с причудливой костяной рукоятью. «Вот это работа» – ахнул мальчик, любуясь светлой сталью. Сделал несколько выпадов, воинственно зарычал и остался доволен. Теперь он вооружен. Да не каким-то ржавым ножом, а настоящим кинжалом сверговой работы. Прицепил его к поясу и гордо распрямился – вот, мол, кто теперь меня тронет?

Затем он вернулся к приставленной лестнице и, оглянувшись по сторонам, вновь поднялся по ней к окну. Вонь никуда не исчезла, но дышать стало легче. Векша осторожно расчистил подоконник от осколков, а затем перекинул через него ногу. Мгновение... и вот уже уселся, свесив ноги вниз, уставившись в полумрак. «Да, солидно тут у них», – подумал мальчик, разглядывая представшую перед ним картину.

Внутри Торжище представляло собой обширное пространство, состоящее из спиральных лестниц, связывающих между собой четыре этажа. Первый ярус был забит многочисленными лотками; заставлен ящиками и бочками. Платформа, на которой высилось Торжище, внутри здания состояла из широких мостков и каналцев, в которых плескалась речная вода. Глаза мальчика никак не могли охватить одним взглядом эту огромную территорию, где когда-то шла бойкая и богатая сверговая торговля. Ему почудился гул от сотен голосов, говорящих на незнакомых языках, крики зазывал и торгашей. Но то было всего лишь воображение. Векша потрянул головой, и тишина, разбавляемая лишь журчанием воды в каналах, вновь сковала пространство. Мальчик пошмыгал носом, все еще не решаясь спрыгнуть внутрь. Воняло так, что хоть ноздри закручивай, однако мертвяков Векша почему-то не видел.

Зловещее место. Толстяк повис на руках и кое-как спрыгнул на стоящий под подоконником лоток с какими-то трухлявыми корзинами. Немного ушибся, но терпимо. Мальчик встал с пола и огляделся. Пригладил разросшуюся шевелюру и двинулся осматривать основной этаж, положив руку на притороченный к поясу кинжал. На всякий случай. Ночное чутье не замолкало. «Тварей-то сколько» – подумал он, ощущая их присутствие. Однако на глаза они пока не попадались.

Векша прошел вдоль рядов бочек, аккуратно перешагнул через ветхий мешок с чем-то сыпучим внутри, и, оттолкнувшись ладонью от облезлой клетки, вышел на площадку между лотков. Откуда-то сверху вновь закапала дождевая морось. Векша посмотрел вверх и присвистнул: оказалось, что крыша Торжища заканчивалась огромным, вырезанным в потолке, отверстием. Сквозь него было видно сумрачное дождливое небо. «Зачем это они в крыше дырку сделали?» – изумился толстяк.

Он ступал осторожно, однако в густом влажном воздухе звуки шагов гулко отражались от выщербленных деревянных стен. Векша вышел в центр между двумя рядами торговых лотков и замер. Тусклый свет обвел вокруг него неправильный круг. По углам, на кучках битой глиняной посуды и тряпок лежали еле заметные тени. Когда глаза юнца окончательно привыкли к полумраку, он поднял голову и разглядел слабоподвижные и едва различимые силуэты, сонно шевелящиеся под потолком. «Вот они. Куда уж без них...» – сказал себе Векша. Твари были повсюду и спали, пока на улице царил день. Их время должно было наступить ночью. Теперь Торжище стало логовом, а это значило одно – живых он здесь не повстречает.

На первом этаже Торжища было уныло и пусто. Ни тел, ни драгоценностей, ни других полезностей. Это было странно и как-то обидно. Видно, успели сверги сбежать, прихватив с собой свои богатства. Векша шмыгнул, вытер нос рукавом и подтянул сползавшие дырявые штаны. Даже пояс их не держал. Похудел он изрядно. «Надо портки найти». Векша уже представлял себе, как выкинет разодранное за время хождений по Лесу тряпье и наденет на себя что-нибудь из брошенных свергами вещей.

Дождь на улице разошелся в полную силу и уже всю колотил по крыше, гулко отдаваясь в пустых залах. Вот оно – сундук под лотком. Векша присел на корточки, положив локти на пыльную поверхность. Вонь почему-то улеглась. Мальчик опасливо приоткрыл крышку сундука. Нашел... Сундук был доверху набит пыльным тряпьем.

Через несколько минут на нем красовались короткие, чуть длинее колен, бархатные штаны и роскошный сафьяновый кафтан. Счастливый Векша рассматривал себя в стоящем неподалеку зеркале и благоговейно вздыхал. Несмотря на то, что штаны были явно малы, а кафтан, наоборот, великоват, подросток был невероятно рад скинуть свои старые, продравшиеся в лесу лохмотья, и надеть нечто, чего он раньше и не видывал вовсе. У рядовичей одежда самая простая была, домотканая. Даже на праздники носили то, что от дедов и бабок в наследство досталось. «Княжий сын прям. Еще бы к такой красоте да башмаки отыскать» – подумал Векша. Подбоченясь, пошел он вдоль пустых торговых рядов, окидывая взглядом темнеющие вокруг лотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.